

ДЕТЕКТИВНОЕ
АГЕНТСТВО
ШЕЙЛИ-ХОУПСА
ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

Владимир Свержин
**Детективное агентство
Шейли-Хоупса**

ООО "Эвербук"

2021

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)

Свержин В. И.

Детективное агентство Шейли-Хоупса / В. И. Свержин — ООО
"Эвербук", 2021

ISBN 978-5-00-580403-7

Детектив Шейли-Хоупс, его помощник Раджив и дерзкий и отчаянный призрак коммодора... Расследуют запутанные и загадочные преступления в туманной, фонарной, мрачноватой и такой знакомой Англии XIX века, делая это с тончайшим остроумием и искренней серьезностью. Легкий ненавязчивый юмор отлично сочетается здесь с напряженной интригой. Запасайтесь чаем и печеньем — игра началась!

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-00-580403-7

© Свержин В. И., 2021
© ООО "Эвербук", 2021

Содержание

Шаги коммодора	6
Участь белого человека	22
Сундук мертвеца	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Свержин

Дектективное агентство Шейли-Хоупса

© Владимир Свержин, текст, 2021

© Юлия Чернова, обложка, 2021

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

* * *

Шаги коммодора

Молоточек ударил по чеканному бронзовому гонгу, порождая глубокий продолжительный звук, похожий на звон судового колокола одного из кораблей флота Ее величества, затерявшегося в серой влажной пелене. Негромко скрипнув, приоткрылось зарешеченное окошко в двери. Однако тот, кто хотел рассмотреть посетителя, потерпел совершеннейшую неудачу. Тем утром туман грязным одеялом окутал столицу Британии, со скромным достоинством именующей себя Великой, и скрывавшемуся за дверью наблюдателю предстал лишь бесформенный силуэт.

– Кто вы и что вам нужно? – раздалось из-за двери.

– Простите, мистер Холмс здесь живет? – вопросом на вопрос ответил приятный и немного взволнованный женский голос.

Человек, слишком смуглый для промозглого лондонского климата, скривился, как от зубной боли. Но, взяв себя в руки, повернул ключ в замочной скважине и крикнул в переговорную трубу, которая используется на кораблях для связи капитанского мостика с машинным отделением:

– Мистер Шейли-Хоупс, к вам посетительница!

Со второго этажа через жестяной раструб донесся ворчливый голос:

– Ко мне или опять к этому книжному прохвосту?! – Красноречивое молчание было ему ответом. – Ладно, проси, – смилостивился тот, кого назвали мистером Шейли-Хоупсом.

Неторопливый слуга приоткрыл дверь, впустил незнакомку и небрежным жестом указал на лестницу, ведущую в жилые помещения. Молодая женщина лет, пожалуй, не более 23–25 с опаской оглянулась на неприветливого южанина в пехотном мундире без знаков различия. За широким алым кушаком у него торчал восточный кинжал, а синяя чалма сикха довершала экзотический портрет «мажордома». Посетительница повернулась к нему спиной, наивно полагая, что чужестранец с такой наружностью непременно поможет ей снять дорожный плащ. Но не тут-то было. Мужчина смерил ее пристальным взглядом, безучастно отвернулся, закрыл на замок входную дверь и снова указал на лестницу. Дама недовольно пожала плечами и сбросила плащ на перила, демонстрируя расшитый серебряным шнуром остромодный в то время редингот.

– Не утруждайте себя излишней учтивостью, – с нескрываемым сарказмом промолвила она и горделивой походкой начала подниматься на второй этаж. Но сын южных широт и не думал себя утруждать. Он молча последовал за незнакомкой, даже не убрав оставленный плащ.

– Вы мистер Холмс? – с порога спросила гостя, обнаружив хозяина помещения среди разрозненных венских стульев и хорасанских ковров, украшенных персидскими саблями, восточными кинжалами, пистолями и оскаленными мордами охотничьих трюфеев.

Хозяин был коренаст, широкоплеч, а манера поглаживать тяжелые кулаки делала его похожим скорее на корабельного боцмана, чем на тонкого мыслителя. Он поднялся навстречу даме, смерил ее пристальным взглядом, каким опытные вояки одаривают прибывших в полк новобранцев, и почти любезно произнес:

– Слушаю вас, леди.

– Так вы действительно Шерлок Холмс? – в голосе посетительницы звучала нотка сомнения. Да что там нотка – вся октава!

– С чего вы взяли? – усаживаясь прямо на обитый зеленым сукном стол, насмешливо поинтересовался не слишком гостеприимный хозяин.

Проигноровав колкость, девушка сходу пустилась в объяснения:

– Я полагаю, в книге о ваших похождениях издатель опечатался и пропустил маленькую косящую черточку в адресе. Я еще и подумала, когда читала рассказы: откуда бы взяться 221-му

номеру на Бейкер-стрит? Но потом сообразила, что это не 221, а 22/1. Итак, мистер Шерлок Холмс...

– Погодите со своим делом, леди! Сразу хочу внести ясность, – бесцеремонно оборвал ее наголо обритый хозяин апартаментов, – меня зовут не Шерлок Холмс, и, тем паче, не доктор Ватсон. О том, что я не миссис Хадсон, полагаю, вы догадались и без моих намеков. При рождении в родном Харлехе я получил имя Стивен. Это аккуратно записано в церковной книге прихода Святого Георгия. Никаких других имен у меня нет, и я на них не претендую. Стивен Шейли-Хоупс, эсквайр. Прошу любить и жаловать, или же не любить и не жаловать – как вам будет угодно.

– Но внизу написано, что здесь принимает частный детектив Шерлок Холмс! – не сдавалась дама, решительно настроенная на беседу со знаменитым сыщиком.

– Частный детектив Шейли-Хоупс, – недовольно сдвинул брови валлиец. – Это шалопутные мальчишки-посыльные из лавки Батлера озорничают. Начитались бредней. Впрочем, и вы, как я погляжу, тоже ими интересуетесь.

Гостья несколько смутилась, еще раз на всякий случай огляделась, словно проверяя, не разыгрывает ли ее великий сыщик и, с горечью убедившись, что ее никто не разыгрывает, произнесла со вздохом:

– Но вы ведь частный детектив?

– Сие есть непреложный факт. Это как раз то ремесло, которое кормит и развлекает меня последние двенадцать лет. Желаете прочесть отзывы? У меня их набралось на увесистый том. Молодая женщина покачала головой.

– Не думаю, что в этом есть смысл. Уверена, что никогда прежде вам не доводилось расследовать подобного дела.

– Черт побери! – искренне возмутился сыщик. – Откуда вам знать, какие дела мне доводилось или не доводилось расследовать?! Если на то пошло, то сама наша добрая королева Виктория повесила вот на эту грудь...

– О, простите, простите, – услышав имя королевы, поспешила извиниться взволнованная посетительница. – Я вовсе не имела в виду ничего обидного, но, извольте понять, дело и вправду совершенно необычное. Я надеялась, что оно, возможно, под силу мистеру Шерлоку Холмсу с его непревзойденным детективным методом.

– Если все же вы желаете, чтобы я занялся этим делом, будьте любезны рассказать о нем подробно, не пропуская даже самых мелких деталей. Если вы устали с дороги, могу предложить вам чаю. Но если вы и далее намерены пересказывать бульварную писанину, не смею больше вас задерживать, дорогая леди.

– Пусть так. Не сердитесь. Я готова вам довериться. В конце концов, если мистер Холмс, как вы утверждаете, всего лишь плод фантазии, мне понадобится какой-то другой толковый сыщик. Причем, сведущий в делах восточных колоний. Почему бы мне не обратиться к вам? – окончательно смирившись с реальностью, с печальным вздохом произнесла гостья.

– Меня зовут Маргарет Рокстед, в девичестве Улфхерст. Я дочь знаменитого коммодора Джеймса Реджинальда Улфхерста и жена судостроителя Генри Рокстеда. Нынче утром, против воли мужа, я прибыла в Лондон только потому, что к мистеру Холмсу у меня есть дело чрезвычайной важности.

– Раджив! – резко скомандовал мистер Шейли-Хоупс. – Утренний номер «Таймс»!

Смуглый человек в синей чалме и с газетой в руке тихо появился из-за персидского ковра, разделявшего приемную комнату на две части.

Частный детектив перевернул несколько страниц и прочитал с выражением:

«Наш корреспондент в Кейптауне сообщил по телеграфу, что на побережье в тридцати милях от города вчерашним штормом были выброшены обломки и разбитая шлюпка винтового фрегата «Джон Чандос». Эта новость уже наделала много шума в Адмиралтействе,

поскольку данный корабль, на котором держал флаг один из лучших морских офицеров Британской империи, прославленный коммодор Джеймс Р. Улфхерст, следовал из княжества Транванкор, что в Индии, в Лондон с особым грузом. Судьба корабля, его экипажа и доблестного командира на сей час неизвестны. Однако в борту выброшенной на берег шлюпки отчетливо видны пулевые отверстия...»

Стивен Шейли-Хоупс вернул газету молчаливому туземцу и тот с поклоном скрылся за ковром.

– По всей видимости, я должен выразить вам соболезнование, мэм. Надеюсь, вы не желаете, чтобы скромный лондонский сыщик отправился к зулусам разыскивать вашего дорогого батюшку? Если да, сразу заявляю, это будет дорого стоить и не сулит особых результатов. Придется снарядить не менее батальона стрелков с хорошей батареей, ибо со времен кудрявого императора Чаки там живут крайне воинственные и опасные, как оголодавшие черти, дикари.

– О нет. Расследованием этой истории будет заниматься Адмиралтейство. Что же касается отца... его не было на фрегате во время нападения.

– Даже так? – в голосе сыщика впервые прозвучала заинтересованность.

– Полностью уверена в этом! Но, – Маргарет чуть запнулась, – я смогу вам сказать больше, только если вы возьметесь за расследование и в присутствии констеблей дадите клятву молчать.

– Я не могу вам обещать ничего подобного, пока не узнаю о чем речь. Если вы не уверены в моей компетентности, легко можете справиться у герцогини Шропширской, кто отыскал завещание ее бабушки. Или у лорда Дамбартона...

– Дело в том, – перебила его дочь коммодора, должно быть, решив, что этот мужлан, даже не удосужившийся предложить ей стул, все же не зря ест горький хлеб частного детектива, – что отец уже неделю как дома.

Вернее, не он, а его призрак. И, как бы это так сказать... не весь призрак, а некоторые части. – Она помрачнела и вновь замялась, подыскивая нужные слова. – Впрочем, иногда мне кажется, что это вовсе не он.

Кроме того, имеется письмо, отосланное им с дипломатической почтой еще до выхода в море... Но все это лучше оценить вам самому непосредственно в замке Фатлмоунт. В последние дни его там почти всегда можно встретить... частично.

– Проклятье! – сказал мистер Шейли-Хоупс и упрямо наклонил вперед бритую голову, словно намереваясь боднуть собеседницу. – Ничего более абсурдного за последний год мне слышать не доводилось. Но вы без запинки говорите по-английски и, как мне представляется не склонны злоупотреблять ни бренди, ни виски... То, что вы рассказываете, настолько абсурдно, что я, пожалуй, возьмусь за это дело. Зовите констеблей! Но прежде ознакомьтесь с моими расценками.

* * *

Дверь вагона открылась, и на платформе появился бритоголовый крепко сбитый мужчина в светлом летнем пальто и широкополой фетровой шляпе. Он двумя руками оперся на длинную трость черного дерева с фигурным набалдашником из слоновой кости и обвел перрон изучающим взглядом. Костюм приезжего, хотя и вызвавший бы нервический припадок у лондонских денди, но все же не лишенный элегантности, плохо вязался с его манерой двигаться – быстро, резко и немного раскачиваясь из стороны в сторону. Мужчина огляделся по сторонам с таким видом, словно ожидал увидеть как минимум роту солдат, замершую в ожидании его приказов, вытер пот со лба клетчатым платком и обратился к вышедшему вслед за ним спут-

нику в синей чалме, внешность которого навевала мысли о палящем солнце и экзотических странах:

– Ну вот, мы почти на месте. Кстати, Раджив, ты навел справки, замок заложен? Или, может быть, он фигурирует в каких-нибудь спорах о наследстве?

– Он совершенно чист, сэр. Улфхерсты – род весьма состоятельный. А брак леди Маргарет и Генри Рокстеда, совладельца верфи «Рокстед энд Купер Шипе», только приумножил их состояние. Адмиралтейство – постоянный заказчик «Рокстеда и Купера».

– Мистер Шерлок Холмс? – подошел к вагону белобрысый парень в серой охотничьей куртке и очках-консервах, поднятых на лоб. В руках молодой человек держал два ведра с водой.

– Мистер Шейли-Хоупс, – с досадой поправил его приезжий. – Стивен. Шейли. Хоупе.

– Какая досада! А хозяйка сказала, что приедет сам Шерлок Холмс с Бейкер-стрит!

– Если так, молодой человек, твоя хозяйка может прислать сюда двенадцать фунтов шесть шиллингов четыре пенса в качестве компенсации за проезд и двадцать фунтов за нашу, с позволения сказать, прогулку в Уэссекс. А потом может ждать Шерлока Холмса, сколько ей заблагорассудится!

Парень обескураженно поставил одно ведро на землю и почесал лоб. Паровоз свистнул, будто гигантский боцман, и, окутывая платформу сизым дымом, тронулся с места. Кроме бритого с клетчатым платком и его смуглолицего сопровождающего встречать здесь было абсолютно некого.

– Верно, это я что-то перепутал. Я Том. Кучер, механик, сторож... Давайте-ка я отвезу вас в замок, а там уж хозяйка пусть сама разбирается.

Частный сыщик недовольно дернул плечом и пробормотал:

– Ладно, пусть так.

Его спутник молча подхватил увесистый саквояж и последовал за парнем с ведрами. Стоило им выйти на вокзальную площадь, Стивен Шейли-Хоупс недовольно хмыкнул.

– Милейший, а где же экипаж? Или вы, подобно восточному рикше, намерены везти нас на спине? А может, по-вашему, мы должны идти в замок пешком?

– Отчего же пешком? Я ведь сказал, что отвезу. Вот он, наш красавец! – Он кивнул головой в сторону диковинного четырехколесного агрегата, стоявшего чуть в стороне у обочины.

– Это сколько же времени у вас займет впрячь коней в эту колымагу! – возмутился сыщик.

– Коней, вообще-то, нет. Зато есть их силы! И, смею заверить, их больше, чем запрягают в карету Ее Величества во время праздничного выезда в день тезоименитства!

Он подошел к экипажу, опрокинул оба ведра в закрепленный на козлах бак, хлопнул ладонью по котлу, стоявшему на запятках, проверил крепление труб и соединенных с ними патрубков и проворковал с такой гордостью, с какой отец вывозит красавицу-дочь на первый бал в Букингемском дворце:

– Знакомьтесь, джентльмены: паротон Рокстеда!

– Простите, что? – переспросил сыщик.

– Паровой фаэтон. Мощностъ – аж двадцать четыре лошадиные силы! Не требует ни дров, ни угля, заправляется водой. – Он распахнул дверцу экипажа, впуская пассажиров. – Простите, стекла не опускаются, иначе на такой скорости ветер сильно задувает при езде. Размещайтесь поудобнее и ни о чем не беспокойтесь. Паротон изрядно греется и немножко трясет, но рессоры надежные. Не пройдет и получаса, окажемся в Фатлмоунте. Если, конечно, лорд Джеймс не станет безобразничать...

Сыщик и его спутник устроились на обитых лиловым бархатом креслах в кузове паратона, довольно тесном даже для двух пассажиров.

– Здесь все дело в секретном химическом ингредиенте, – намереваясь закрыть дверь, радостно сообщил кучер, гордый своими познаниями. – Благодаря реакции, происходящей в

патрубках, вода в трубе разогревается до кипения, пар вращает маховик, а тот в свою очередь передает вращательный момент на колеса. Если нужно остановиться, я стравливаю пар, если ускориться – наоборот. Впрочем, вам это, должно быть, неинтересно, – заметив скучающую физиономию Шейли-Хоупса, с сожалением закончил он свой рассказ.

– Ты что-то говорил о пакостях лорда Джеймса? – отозвался тот.

– Я ничего не берусь утверждать, сэр, – вздохнул Томас, меняясь в лице, – но сами попробуйте: вчера утром я отвез хозяйку сюда, на станцию, дабы она могла отправиться в Лондон к мистеру Шерлоку Холмсу...

– Шейли-Хоупсу, – вновь поправил детектив.

– Может и так, мне-то почему знать? Я не слежу за хозяйкой. Как мне сказали, так и я говорю. Ну, так вот. Отвез я хозяйку, вернулся, экипаж запер в каретном сарае. А вечером прихожу, открываю замок, чтобы ехать встречать хозяйку из Лондона, а свечей в фонарях-то и нет.

– Так может, ты просто забыл их сменить?

– Вряд ли такое возможно, сэр. Тем более, что утром свечи были на месте. Я же выехал затемно, чтобы успеть к утреннему поезду, и, стало быть, все проверил. Ну, свечи-то что, ерунда, я новые поставил. А сейчас вот за вами собрался ехать, смотрю, опять исчезли. Мало того, кто-то аккуратненько срезал верхушки вчерашних свечек с обгорелым фитилем и оставил их прямо на козлах.

– Ясно. У кого еще есть ключ от стойла этого необыкновенного экипажа?

– У хозяина. Больше в округе никто управлять им не умеет. Да что там управлять, фермеры подходить к нему боятся, считают, что повозка запряжена слугами дьявола. Но хозяина сейчас в замке нет, и вчера не было. Он должен вернуться со своей верфи в Дувре только к обеду.

– Хорошо, – кивнул Шейли-Хоупс, забирая аккуратно срезанные верхушки свечей. – Я все это проверю.

Он поудобней устроился на бархатном сидении, возница лихо взгромоздился на козлы, потянул на себя массивный рычаг, и паротон Рокстеда, окутавшись сизым паром и протрубив, как боевой слон перед атакой, рванул с места.

– Итак, Фатлмоунт, – задумчиво произнес сыщик. – Слуги дьявола, запряженные в повозку, – хорошее начало для истории с призраками. Да, Раджив, что там у нас насчет темных историй, связанных с этим замком?

– Начиная с тринадцатого века здесь было много всякого. Но в целом ничего примечательного – джентльмены чинно-благородно резали друг друга и штурмовали башни – средневековая рутинка. Правда, рассказывали, что Генри – одиннадцатый барон Фатлмоунт – ярый сторонник казненного мятежника Карла I, был по приказу Оливера Кромвеля замурован живьем в подвале. Многие с тех пор утверждали, что видели одиннадцатого барона в коридорах замка и в XVII, и в XVIII вв. По легенде, стоило кому-то в замке начать готовить еду после заката, как тот со стонами и голодным блеском на месте глаз появлялся в дверях.

– Почтенная смерть за короля, – хмыкнул детектив, – но это не повод жевать по ночам восковые свечи, аристократично срезая с них верхушки.

– Не повод, – охотно согласился Раджив. – Тем более, что в начале века в лондонском архиве отыскался документ, свидетельствующий о том, что Генри Фатлмоунт благополучно пережил Кромвеля и умер от ветряной оспы через год после восшествия на престол Карла II.

– Холодный душ для красивой легенды. Что-нибудь еще?

– Улфхерсты стали наследниками Фатлмоунта всего два, простите, уже три поколения назад. Последняя баронесса Фатлмоунт была женой генерала Дэвида Улфхерста, героя Ватерлоо. Коммодор Джеймс приходился ему внуком.

Паротон, фыркая и теряя скорость въехал на горбатый мост и трясясь, покатил вперед, как вдруг звон разбитого стекла заставил сыщика отпрянуть, и очутиться чуть ли не на коленях помощника. Осколки густо усыпали место, на котором он за миг до этого сидел.

– Что еще за шутки?! – Он поднял с пола камень с привязанной к нему запиской и протянул индусу – Ну-ка, глянь. Я пока осмотрю позиции неприятеля. Окутанный клубами пара Паротон замер на месте. Кучер подскочил к двери и одним рывком открыл ее.

– Вы не пострадали, сэр?!

– Уж точно меньше, чем ваш экипаж, – буркнул детектив, ступая на мост и разглядывая окрестности в небольшую подзорную трубу. – До берега далековато. Судя по месту расположения прилетевшего камня, бросок был произведен под углом... – детектив наморщил лоб, рассчитывая траекторию, – около тридцати градусов относительно русла реки. Со стороны замка. Чтобы докинуть камень до середины моста нужно обладать совершенно недюжинной силой, или использовать пращу. Но попасть из пращи в небольшое окошко быстро движущегося экипажа, да еще под таким острым углом?!.. – Он бегло осмотрел кузов в поисках отметин от других камней. – Причем попасть с первого раза! Отличный выстрел! В смысле, бросок.

Сыщик аккуратно сложил подзорную трубу, сунул ее в карман и тростью с набалдашником в виде львиной лапы, сжимающей в когтях земной шар, начал расчищать окошко экипажа от торчащих словно зубы осколков.

– Я же говорил, – тревожно запричитал водитель, – это все покойный лорд Джеймс. Его проделки. Как раз с середины моста начинаются владения Улфхерстов.

– Полагаю, это не самое очевидное из всех возможных объяснений, – выбивая очередной стеклянный клык, задумчиво произнес мистер Шейли-Хоупс. – Прежде нам следует исключить другие варианты. Раджив, друг мой, посмотри, что в записке.

Сикх в мгновение ока развернул листок бумаги, доставленный столь нетривиальным способом.

– «Убирайтесь к чертовой матери, гадючье семя! Убирайтесь, пока есть время. Брашпиль вам в глотку! Я выпотрошу вас, как пулярок, и скормлю чертовой своре собак!»

– Уф, какая нелепая угроза! – скривился частный детектив.

– Похоже, записку написал ребенок, сэр. Почерк слишком корявый – не похоже на руку взрослого человека, – сказал смуглолицый ассистент и протянул сыщику записку. – Или же она написана левой рукой.

– Возможно, и ребенок, – разглядывая буквы, согласился Шейли-Хоупс. – Но скорее второе. Почерк действительно корявый, но разный наклон и размер букв, зеркальное написание овалных элементов и неровные строчки говорят о том, что автор плохо видел текст и писал левой рукой. Еще я сильно сомневаюсь, что местная детвора изъясняется настолько странным образом. Кроме того, о нашем приезде в утренних газетах не писали и времени для устройства засады было маловато. А судя по тому, что я никого не увидел на берегу, мы имеем дело с человеком весьма ловким. Полагаю, писалось впотьмах и левой рукой, чтобы мы подумали, что это проделки какого-то вздорного мальчишки? В любом случае я не представляю себе малолетнего сорванца, который бы умудрился так точно метнуть камень. Даже из пращи. Ладно, все это нам еще предстоит хорошенько обдумать. – Он посмотрел на шофера. – Милейший, нас заждались в замке!

Остаток дороги мистер Шейли-Хоупс был молчалив, и лишь слегка постукивал указательным пальцем по резному набалдашнику трости.

– Вы полагаете, это сделал мистер Рокстед? – поинтересовался Раджив, когда за окном во всем незамутненном великолепии крепостной архитектуры XV века замаячили башни Фатлмоунта.

– Я не исключаю его из списка подозреваемых, – уклончиво ответил детектив. – Человек, построивший аппарат, способный носиться по дорогам без лошадей, может соорудить и пневмокамень, стреляющий не хуже полковника Шарпа. Ты помнишь старика Шарпа?

– Да, сэр. Хотя, когда он сражался в наших краях, я был еще совсем мальчишкой. Бросок и впрямь отменный, но у мистера Рокстеда, кажется, нет оснований оказывать гостям настолько нелюбезный прием.

– И все же он не хотел, чтобы это дело было расследовано. Вероятно, тут кроется какой-то подвох...

Паротон с фырчанием переехал мостик, некогда подвесной, но последние две сотни лет каменный. Томас нажал на грушу сигнального рожка, и тот взвыл так, словно кому-то наступили на больную мозоль. Ворота распахнулись, и самобеглая повозка вкатилась во двор.

– Вот мы и прибыли.

Юноша соскочил с козел и подбежал к дверце, спеша открыть ее перед гостем. Но стоило мистеру Шейли-Хоупсу ступить на брусчатку, как кучер отлетел в сторону и грохнулся наземь, словно кто-то рванул его за шиворот.

В воздухе, откуда ни возьмись, появилась рука с офицерской шпагой. Клинок взмыл, сбивая фетровую шляпу и явно намереваясь опуститься плашмя аккуратно на бритую макушку сыщика. Но тот ловко увернулся и поднял трость, парируя удар. Летающая шпага моментально отскочила в сторону и снова перешла в атаку. Спустя мгновение мистер Стивен бодро скакал по брусчатке, едва успевая уклоняться и отражать все новые и новые удары. Но агрессивная конечность почему-то упорствовала в стремлении проучить незваного гостя.

Кто знает, чем бы обернулась схватка, но тут из-за паротона выскочил Раджив и быстрым коротким движением нанес рубящий удар кинжалом по сильной части клинка, почти у самой гарды, в тот самый момент, когда трость и шпага сошлись в демисеркле¹. Клинок развернулся в воздухе и со звоном упал на камни. Ладонь дернулась и исчезла, точно растворилась в воздухе.

– Это что-то новенькое в моей практике, – недовольно пробормотал мистер Шейли-Хоупс, поднимая с земли оружие. – О, здесь надпись: «Доблестному лейтенанту Джеймсу Реджинальду Улфхерсту в память о службе на бриге „Артеми́с“ в Крымскую кампанию...» И какие-то пятна... Кажется, это воск. Здесь, и вот, ниже, у остря...

Воинственная пятерня неожиданно возникла снова, размашисто отпустила мощную затрепину по бритому затылку детектива, схватила шпагу и вновь исчезла.

– Ну, знаете ли, – взвыл сыщик и от неожиданности рухнул лицом прямо на пыльную брусчатку двора, но быстро вскочил, потрясая тростью и гневно крутя головой в поисках обидчика. – Вот, значит, как?! – не обнаружив супостата, процедил он. – Стало быть, там, на мосту, была левая рука, а здесь – правая! Что ж, теперь отыскать этого чертова коммодора для меня дело чести! Где там леди Маргарет?!

Леди Маргарет встречала гостей в комнате, основательно подготовленной для мистической круговой обороны. По периметру стен, вокруг окон и дверей живописными гирляндами, будто в день праздника урожая, висели связки чеснока, а на столах, у трюмо, на секретере и подоконниках в живописном беспорядке громоздилась церковная утварь, гордо увенчанная крестами. Не хватало лишь каменного распятия с местного кладбища. На подоконнике у дверей стояли пинтовые бутылки с водой. Быть может, хозяйку мучила сильнейшая жажда, но сыщику пришло в голову, что это, скорее всего, святая вода. Несколько остро заточенных кольев, прислоненных к стене, и инкрустированный серебром револьвер Лефоше с перламутровой рукоятью, лежавший на туалетном столике между нюхательной солью и увесистыми хра-

¹ Демисеркль (от фр. demi-cercle – полукруг) – вид защиты в фехтовании на шпагах или рапирах. Данная защита относится к категории защит с ответной атакой.

мовыми канделябрами, явно говорили о том, что хозяйка апартаментов не намерена сдаваться без боя.

– Садитесь, господа. – Леди Маргарет закрыла на засов разрисованные крестами двери. Железные задвижки, очевидно, были совсем недавно прикручены к резной древесине. – Прошу извинить за необычную обстановку. Вот здесь я и живу.

– Простите, мэм, – пробормотал сыщик, ошеломленный увиденным, – вопрос бестактный, но я обязан его задать: вы полагаете, что ваш отец вампир?

– В прежние времена он предпочитал ром, – ответила молодая леди, покачивая головой и стараясь не принимать близко к сердцу лишнюю галантную речь сыщика.

– Тогда зачем нужны все эти колья и чеснок?

– Увы, с тех пор многое изменилось. Теперь я ни в чем не могу быть уверена. Видите ли, все началось лишь неделю назад, и я еще не успела хорошо познакомиться с новыми привычками отца. Но, должна заметить, что они и впрямь успели измениться, если, конечно, это действительно призрак лорда Джеймса.

– С чего вы так решили?

– Видите ли, в тот день я как раз пригласила в гости миссис Элизабет Райт, дочь нашего приходского священника. Мы росли с ней вместе, потом она вышла замуж за американского епископа Райта.

– Простите, эти детали имеют какое-то отношение к делу? – оборвал ее частный детектив.

– Мне пока трудно об этом судить, – поджала губки хозяйка Фатлмоунта.

– Тогда давайте так: если я буду нуждаться в деталях и подробностях, я буду задавать вопросы. Так что же произошло с миссис Райт?

– Мы сидели, пили чай, как вдруг в совершенно пустой комнате раздался ужасающий, леденящий кровь загробный голос: «Жирная корова!»

– Это был голос вашего отца?

– Он напоминал голос моего отца, – уточнила миссис Рокстед. – Но поверьте, доблестный коммодор Улфхерст всегда отличался сдержанным и, я бы даже сказала, довольно суровым нравом. Он бы никогда не стал так высказываться о даме.

– Быть может, у лорда Джеймса были основания недолюбливать вашу гостью?

– При жизни он и впрямь ее не слишком жаловал и считал ее неумной, вздорной и чересчур увлеченной придворными сплетнями дамой. Отчасти он был прав, но согласитесь, подобные слова не подобают джентльмену! Непростительно дурной тон! А уж то, что было потом, так и вовсе... – Она заметно покраснела.

– Что же было дальше? После этих шокирующих, – сыщик ухмыльнулся, – слов?

– Бэт вскочила, словно ее ошпарили кипятком, и начала крутить головой, выискивая обидчика. Она, знаете ли, не отличается стройностью.

– Ну и? Постарайтесь не отвлекаться на лишние детали.

– В воздухе из ниоткуда появилась левая рука и пребольно ущипнула мою приятельницу... – она вновь зарделась. – Ну, как сказать? Ущипнула...

– За задницу? – без обиняков уточнил детектив.

– Вы полагаете, эта деталь имеет отношение к делу? – съязвила благовоспитанная дама.

– Мне лучше знать. Вы уверены, что это была левая рука?

– Абсолютно. Я ее видела, как вижу вас. К тому же, правая всегда появляется со шпагой. Вчера она полдня гонялась за дядюшкой Тобиасом. Это младший брат моей покойной матушки...

– Этот-то родич чем ему не угодил?

– Отец не слишком уважал дядюшку Тобиаса. Считал его бездельником и светским попрошайкой Тот пробовал себя как художник, но не слишком преуспел. Я никогда не слышала, чтобы кто-либо выразил желание купить его картины. Последние годы он зарабатывает

на жизнь, рисуя заседания суда графства для местной газеты. Это занятие приносит ему не больше, чем он тратит на пиво, однако здесь он живет, простите, вернее, жил, на всем готовом.

– Жил? – насторожился детектив. – Рука со шпагой убила его?

– О, нет! Она полдня носилась за ним по замку, лупила клинком по спине и плечам, колола, точно подушечку для иголок, сопровождая эти действия ужасающим криком: «Проваливай отсюда, тупой прохиндей! Твое место в ночлежке! Сдохни под мостом, ленивый прохвост!»

А его жена Бриджит... тут и вовсе дурацкая выходка – ей он просто дал пинка! Да так, что бедняжка слетела с лестницы и едва не сломала шею. А лестницу... представьте, лестницу он натер восковыми свечами! Разве истинный джентльмен, каким был мой отец, мог так поступить?!

– Вот и свечи отыскались, – заметил Стивен.

– При чем тут свечи?! – возмутилась леди Маргарет. – Вы только представьте: из воздуха, точно из-за портьеры, неожиданно появилась нога в сапоге. «Бац!» – и несчастная Бриджит едва не лишилась жизни! А голос еще рявкнул: «Чертова воровка!»

– За ней действительно водились такие грехи? – уточнил сыщик.

– Когда-то, несколько лет назад, из серебряного сервиза, подаренного королевой Елизаветой лорду Фатлмоунту, пропало блюдо. Отец почему-то был уверен, что это дело рук тети Бриджит, но полиция так и не смогла найти пропажу.

– А вы, мэм, вы лично подвергались какой-либо агрессии?

– Благодарение господу, нет. Более того. Как-то вечером я задремала, и мне показалось, что некая рука гладит меня по голове. Я думала, приехал Генри, открыла глаза и вскочила, но в комнате никого не было. Быть может, мне почудилось. – Она снова печально вздохнула, подняв брови домиком. – Я так напугана.

– Если интуиция мне не изменяет, лично вам бояться нечего. Когда, вы говорите, начал появляться этот беспокойный дух?

– Около недели назад.

– Так, так. А когда вы узнали об исчезновении фрегата?

– Позавчера, ближе к ночи. Мне прислали телеграмму из «Таймс» с трагическим сообщением. Затем прибыл офицер из Адмиралтейства...

– Ну да, ну да. Сообщили они сразу. Шторм закончился два дня назад, стало быть, у нас есть все основания полагать, что коммодор покинул этот мир в результате кораблекрушения.

– Простите, я не все сказала при нашей первой встрече. Поймите меня правильно, я просто не имела права говорить. Но сейчас, когда вы под присягой, хотела бы пояснить, – лицо хозяйки замка приняло настолько серьезное и гордое выражение, словно она несла флаг империи впереди полка конной гвардии. – Отца вообще не было на фрегате.

– Как это так?

– Дело в том, что он отправился в плавание на подводном корабле, построенном на верфи моего супруга.

– Подводный корабль? Что за ерунда? Как он может плавать?! Я видел паровые корабли, у них труба, и они дымят! Стоит им погрузиться под воду, как вода хлынет в трубу и паровая машина взорвется как бомба!

– Не удивляйтесь. Это секретное судно очень даже может плавать. Но это тайна! Вы приехали сюда на паротоне, который создал мой дорогой муж. На корабле стоит двигатель той же конструкции, но только он куда более мощный и совершенный, в сравнении с первым образцом. Корабль почти не зависит от топлива. Все, что ему нужно для плавания, – это забортная вода. Во всяком случае, так говорил Генри.

– Должно быть, он шутил. Конечно, если за бортом нет воды, то плыть невозможно. Но поверить, что подобная игрушка может двигать корабль...

– Тем не менее это так. Корабль Рокстеда без поломок прошел от Дувра до Траванкора, продемонстрировав замечательную надежность и не нуждаясь в дополнительном топливе. Вот на этом-то корабле коммодор Улфхерст и возвращался в Англию.

– Но почему столь экзотическим образом?

– Отец верил в будущее подводных кораблей и стремился доказать свою правоту. И вот ему представилась такая возможность.

Дело в том, что последние два года отец состоял главным военным советником при махарадже Траванкора. Он крепко держал в руках этого правителя. Однако тот тайно пытался снабжать мятежников принца Даккара оружием, деньгами и продовольствием. Когда махараджа разоблачили, он решил щедро откупиться, чтобы сохранить трон. Он сказочно богат, и потому готов был пожертвовать частью своих несметных сокровищ, дабы убедить всех в Лондоне в своей непричастности к восстанию.

– О какой сумме шла речь, если не секрет?

– Пятьдесят миллионов фунтов золотой монетой и слитками, не считая кое-каких драгоценностей.

Сыщик чуть привстал от неожиданности. Подобная сумма не укладывалась в голове.

– Впечатляет. Интересно было бы знать, во сколько же оценивается все состояние махараджи?

– Этого не знает никто. Княжество находится на удобных торговых путях, и сокровища там копились веками. Отец прислал донесение в Англию задолго до выхода в море. Он писал, что никогда прежде не видел столько сокровищ. Пещера Али-Бабы рядом с ним просто захудалая галантерейная лавка. Даже несколько фотографических карточек прислал...

Он написал, что задача перевезти из Индии в Британию такие груды золота почти не решаема. Морские пути опасны, а сохранить в тайне информацию о «золотом фрегате» почти невозможно даже несмотря на все предосторожности адмиралтейства и армейского командования.

Поэтому в Лондоне решили пойти на хитрость. Фрегат «Джон Чандос» действительно вышел в море из Траванкора с драгоценным грузом на борту. Через несколько часов после выхода фрегата из порта все ценности должны были перегрузить, и, вероятно, перегрузили, на подводный корабль системы моего супруга под названием «Помпилий». Думаю, не стоит напоминать, что вы дали присягу и никому более не должны говорить ни о механизмах Рокстеда, ни о самом существовании подводных кораблей. Это военная тайна.

Дальше, как можно судить из газет, случилось то, чего, увы, все опасались: кто-то атаковал фрегат и, не обнаружив золота, пустил его на дно. Но исчезновение «Помпилия»... – благородная дама развела руками.

– Прошу извинить меня за дерзость, саиб, – прервал молчание Раджив, дотоле, подобно статуе, безмолвно стоявший за плечами мистера Шейли-Хоупса, – могу ли я задать несколько вопросов?

Стивен вопросительно посмотрел на хозяйку дома.

– Мой спутник вырос в тех краях. Возможно, ему в голову действительно пришло что-то толковое.

– Если вы настаиваете, – вздохнула леди Маргарет, не слишком довольная вмешательством туземца.

– Что вам известно о драгоценностях, которые перевозил ваш отец?

– В письме лорд Джеймс упоминал жемчужное ожерелье длиной в шесть ярдов и корону, усыпанную рубинами, изумрудами и розовыми бриллиантами Голконды.

Да, вот еще. Он писал о некой золотой статуе, из-за которой у него чуть было не вышла ссора с местным жрецом-брамином. Массивная статуя из чистейшего золота. Она чем-то приглянулась отцу. А поскольку махараджа в благодарность за помощь обещал ему любой дар из

сокровищницы, коммодор выбрал статую. Он вообще любил всякие диковинные безделушки. Брамин заявил, что статую нельзя выносить из храма, но отец настаивал. Тогда брамин попросил отца дать ему немного времени на то, чтобы совершить какие-то свои обряды, дабы на храм не пало проклятие. Отец согласился.

– Что это было за статуя?

– Я не могу точно описать ее... кто-то спит на ложе из кобр. У меня есть фотографическая карточка этого изваяния, сделанная перед его отправкой.

Раджив низким поклоном выразил благодарность за ответы. В дверь постучали. Леди Маргарет прислушалась. Два раза, затем еще два, один и три с длинными паузами.

– Слава богу, это не призрак, это наш дворецкий. Я каждый раз меняю код, после того как он заходит сюда.

– Ваш муж прибыл, мэм. Спрашивает, желаете ли вы его видеть сейчас или он может пока отдохнуть во флигеле?

Сыщик удивленно взглянул на собеседницу.

– Я так понимаю, на вашего мужа отец тоже имел зуб?

Хозяйка замка пожала плечами.

– Сложно сказать. Когда мы с Генри познакомились, я была еще совсем девчонкой, а он только окончил Оксфорд и был всего лишь талантливым инженером, работавшим в Адмиралтействе. Отец дал ему денег, познакомил с мистером Купером и весьма помогал своими связями в Адмиралтействе. Можно сказать, они были друзьями. Сейчас верфь приносит немалую прибыль, однако папа никогда не напоминал Генри, что тот ему всем обязан. А теперь, – она горестно вздохнула, – этот подводный корабль...

– Что ж, – Шейли-Хоупс посмотрел на молчаливого сикха, – разберемся. Могу ли я взглянуть на письмо и карточки, пока вы будете беседовать с мужем?

– Да, пожалуйста, – леди Маргарет вытащила из ящика стола исписанный листок и снимки, будто только и ждала этого вопроса. – Если не возражаете, я бы пригласила Генри, чтобы он тоже принял участие на нашем, с позволения сказать, военном совете.

– Да, конечно, – охотно согласился мистер Шейли-Хоупс, вытирая платком макушку и передавая документы Радживу. – Подержи.

* * *

Сэр Генри Рокстед вошел в комнату энергичной походкой человека, который знает себе цену и не любит терять время зря. Он без особой охоты, но весьма вежливо поздоровался с сыщиком, приобнял жену за плечи и снова повернулся к гостю.

– Прошу извинить мою супругу. Мне кажется, что начитавшись занимательных историй о Шерлоке Холмсе, она обратилась не по адресу.

– Да, адрес у меня другой, – нахмурился частный детектив.

– Вы понимаете, что я имею в виду. В любом случае, насколько мне известно, сэр, вы уже лично могли убедиться в том, что призрак, к сожалению, никакая не выдумка и не мистификация. Более того, как это ни странно, он демонстративно игнорирует правила хорошего тона, которые в Британии соблюдаются всеми уважаемыми привидениями и прочими не совсем... живыми... обитателями замков. Как это ни печально мне признавать, его манера появляться в любое время суток просто возмутительна. Однако же, полагаю, сэр, что в сложившихся обстоятельствах в ваших услугах мы не нуждаемся. Если пожелаете, можете переночевать здесь, а с утра пораньше Томас отвезет вас на вокзал. Можете не сомневаться, я оплачу все ваши расходы.

– Я, пожалуй, с благодарностью воспользуюсь вашим гостеприимством, – медленно, с трудом скрывая недовольство, проговорил Стивен Шейли-Хоупс.

– Как скажете, – с легкой досадой бросил совладелец верфи. – Томас проводит вас во флигель. И еще, – точно вспомнив нечто важное, обратился он к детективу, – быть может, когда стемнеет, вы пожелаете вместе с нами принять участие в столоверчении? Я привез из Дувра знаменитую заклинательницу духов Розамунду. Она обещала установить контакт с духом коммодора и подробно расспросить его об обстоятельствах гибели.

– Весьма интересно, – кивнул сыщик. – А сейчас позвольте откланяться. Раджив, верни леди Маргарет документы.

* * *

Двери флигеля закрылись на хорошо смазанных петлях без единого скрипа.

– Ты успел просмотреть бумаги? – убедившись, что в доме больше никого нет, поинтересовался детектив.

– Да, Стив.

– Есть какие-то зацепки?

– Есть. Постамент для статуи выполнен из сандалового дерева и украшен декоративными золотыми головками гвоздей в виде лотосов. Лотос – цветок забвения. Он соединяет огонь и воду, символизирует перерождение...

– Допустим. А если отбросить символику?

– Отбрасывать символику в наших землях нельзя. Это язык богов.

– Что-то еще?

– Золотую статую Шивы, а именно она была на фотокарточке, действительно запрещено вывозить из храма – она благословляет княжество на процветание.

– Даже если в случае отказа наши корабли начнут обстрел?

– Стрельба не может длиться вечно, а в Индии нет большой разницы между мгновением и вечностью. Цепь перерождений надежно защищает от пушечного огня. Но на этом постаменте слишком необычные золотые головки в виде лотоса – они очень большие.

– Что с того?

– Много золота у нас используют там, где нужно скрыть что-то маленькое и не слишком привлекательное.

– И ты знаешь, что это?

– Догадываюсь. Вспомните тот клинок, которым призрак бедного лорда Джеймса атаковал вас во дворе замка. На нем был воск от свечей, и, возможно, вы это тоже заметили, два белых пятнышка на самом острие. Уверен, что это был змеиный яд. Полагаю, незадолго до гибели коммодор отбивался шпагой от змеи, скорее всего от кобры.

– Полагаешь, брамин наложил на статую заклятье, порождающее змей?

– Вряд ли бы он наложил заклятье на статую Шивы, от которого зависит благополучие всей страны. Но он наверняка принял меры.

– Какие же?

– Давайте поговорим об этом после спиритического сеанса. Но у меня есть к вам одна просьба: когда пойдете на сеанс, наденьте свой Крест Виктории и индийские медали.

– Полагаешь, коммодор не станет атаковать собрата по оружию?

– Кто знает? Мне кажется, он бы и рад выговориться, но уж точно, не с братцем Тобиасом, или кем иным из домочадцев.

– А как же сэр Генри?

– Полагаю, сэр Генри – единственный человек в замке, если, конечно, не считать нежно любимую дочь, с которым он захочет поговорить. Кстати, как вы думаете, почему мистер Рокстед так настойчиво желал от нас избавиться?

– Представления не имею, это ж ты у нас голова!

– Ну что вы, лейтенант, я всего лишь неплохо анализирую полученную информацию. – Раджив склонил голову. – Мистер Рокстед довольно молод, хотя и далеко уже не юн. Когда он жал вам руку, я заметил у него на пальце железное кольцо Оксфордского студенческого братства.

– Это не удивительно. Мистер Рокстед получил хорошее образование.

– О, я несколько в этом не сомневаюсь, но такое же кольцо носит принц Даккар, известный вам по восстанию сипаев как Нана Саиб.

Стивен Шейли-Хоупс передернул плечами. Воспоминания о восстании не относились к числу приятных.

– Если бы в той схватке ты меня не вытащил...

– Но зато вы спасли полковое знамя. Однако я о другом.

Не так давно в море появился чудовищный механический нарвал, который топит британские корабли. Среди моих земляков шепчутся, что это подводный корабль принца Даккара.

– Постой, ты хочешь сказать, что Генри Рокстед продал свои изобретения Нана Саибу и потому опасается расследования? Но это немыслимо! К тому же, насколько я понял, корабль Рокстеда не приспособлен для таранного боя.

– Леди Маргарет сказала, что, едва окончив Оксфорд, сэр Генри проявил себя талантливым инженером, причем настолько заметным, что коммодор Улфхерст решил поддержать его, а затем даже отдал ему в жены свою обожаемую дочь. Логичнее было бы предположить, что Нана Саиб и Генри Рокстед, еще будучи членами студенческого братства, совместно разрабатывали идею подводного корабля, а уж потом их пути разошлись и каждый действовал самостоятельно, – тихо заметил сикх.

– Признаться, у меня отлегло от сердца. Не хотелось бы мне подозревать в измене столь достойного человека.

– Конечно, тем более что сам мистер Рокстед наверняка узнал в механическом нарвале, о котором трубят все газеты, детище своего университетского приятеля. И теперь у него есть все основания опасаться, что все узнают об их сотрудничестве.

– Ты думаешь, этот нарвал таранил фрегат в районе Кейптауна?

– Обломки могло принести и штормом, но версия с тараном представляется мне наиболее вероятной. Принц Даккар узнал от жреца о золоте, которое будет перевозиться в Британию, и решил перехватить его. Вероятно, коммодор Улфхерст подозревал, кто в первую очередь будет охотиться за плавучей сокровищницей, и потому решил рискнуть и погрузить золото на «Помпилий», оставив фрегат в качестве приманки.

– Ну да, – бывший лейтенант снова протер бритую голову платком. – Вряд ли Нана Саиб стал бы искать второй подводный корабль.

– Во всяком случае, до той поры, пока не понял, что «Джон Чандос» был нужен только для отвода глаз, – негромко предположил Раджив. – Узнав, что его обвели вокруг пальца, он должен был бы вернуться в порт, чтобы получить новые сведения о планах лорда Улфхерста, или же начать рыскать в океане в поисках корабля, груженого сокровищами. Но это было бы полным безрассудством. Так что принц, скорее всего, выбрал первый вариант. И когда он узнал о хитрой уловке от местных рыбаков, а те наверняка видели, как перегружается золото с фрегата, ему оставалось лишь вычислить маршрут «Помпилия». Сделать это, очевидно, было несложно. Вряд ли командир подводного корабля выбрал слишком замысловатый путь. Кроме того, у Нана Саиба было достаточно много времени для поисков, поскольку на борту «Помпилия», скорее всего, уже все были мертвы.

– Хорошо, забыли о проклятии. Уж что-что, а потопить «Джона Чандоса» не способен ни один Шива. Но откуда на подводном корабле появились кобры?

– Простите, сэр, – Раджив указал на приоткрытое окно, – к нам направляется Томас, должно быть, он собирается пригласить нас на спиритический сеанс. Еще раз прошу вас, наденьте свои боевые награды.

Перевернутое блюдечко лежало на расчерченном столе, исписанном буквами. Взявшиеся за руки люди сидели вокруг него с таким видом, словно намеревались водить хоровод прямо так, не вставая с массивных стульев.

– Дух Джеймса Реджинальда Улфхерста, – взывала известная заклинательница, поднимая к потолку насурьмленные глаза, – призываю тебя, приди в свой дом!

В воздухе из ниоткуда появилась голова с седеющими рыжими бакенбардами, плавно переходящими в усы. В зубах голова держала длинную трубку, из которой шел слишком прозрачный для того чтобы быть табачным дым.

– Че надо, драная каракатица?! – процедила голова, не разжимая зубов.

– Ответь нам, что произошло...

– Дура, – процедила голова, – если я разомкну зубы, трубка выпадет.

Госпожа Розамунда вынуждена была согласиться с доводом призрака.

– Тогда напиши-и-и... – сказала она, растягивая слова.

В воздухе снова появилась знакомая всем обитателям замка правая рука со шпагой.

– Сейчас пойдет все крушить, – страдальческим тоном констатировала дама со странным воротником на шее. – Лучше спрятаться под стол.

Однако смертоубийства не произошло. Рука подлетела к Стивену Шейли-Хоупсу, протянула ему оружие рукоятку вперед, а голова замогильным голосом произнесла:

– Подержи. – Затем освободившиеся пальцы сложились в кукиш, и потусторонний голос с небывалым воодушевлением продолжил: – А вот тебе, камбала болотная!

Заклинательница духов открыла рот, чтобы выразить негодование, и тут же взвизгнула, поскольку рука схватила ее за нос. Адский хохот заставил задрожать хрустальные подвески люстры.

– Нет, нет! – чуть не плача закричала леди Маргарет. – Это не отец! Он же не курил, тем более трубку! А уж так обращаться с дамой!..

Сеанс был сорван окончательно и бесповоротно.

– Отдай! – послышалось в воздухе. Наградная шпага перекочевала к хозяину и тут же исчезла из виду.

Медиум Розамунда, не дожидаясь утреннего поезда и извиваясь в истерике, отбыла из Фатлмоунта и потребовала, чтобы Томас отвез ее в ближайшую гостиницу. Леди в странном воротнике категорически отказалась вылезать из-под стола до прихода священника. Всем остальным хозяйка замка учтиво пожелала спокойной ночи.

Но Стивен Шейли-Хоупс и Раджив вовсе не собирались спать.

– А если не появится? – расхаживая из угла в угол, спросил бывший лейтенант.

– Появится, – уверенно пообещал Раджив, глядя в огонь камина, точно высматривая среди языков пламени саламандру. – Просто так он бы не передал тебе свою шпагу.

– Но это лишь твое предположение.

Голова с электрическим треском, будто разрывая тонкую материю реальности, возникла из воздуха прямо над камином.

– В каком полку служили? – рявкнула голова.

– Лейтенант Шейли-Хоупс, 19-й Девонширский.

– Хоупе, Хоупе... Как же, помню – Крест Виктории за спасение знамени?

– Так точно, господин коммодор, – браво отрапортовал Стивен, вытягиваясь во фронт, – счастлив знакомству!

– Ты славный парень, лейтенант! Пошто в сыщики подался? Эти вездесущие крысы... – Шейли-Хоупс бросил взгляд на Раджива. Но коммодор перебил самого себя: – А, впрочем, к черту! Не в том дело, ты мне сейчас можешь пригодиться.

– Слушаю вас, сэр.

– Я дьявольски хочу понять, откуда на лодке появились змеи. Разузнай и проси у меня любую награду!

– Я сделаю все, что в человеческих силах, милорд. Но расскажите, что все-таки произошло?

– Все было отлично. Мы ускользнули от чужих глаз. «Чандос» продолжил плавание, а мы на «Помпилии» тихо погрузились в пучину и двинулись к берегам Англии. Мы шли без всяких происшествий и уже подходили к Суэцу, как вдруг отовсюду повыползали эти гады. Казалось, они появились везде и сразу, огромные, в три ярда длиной, кобры. Мы отбивались, как могли.

– Яд на клинке, – словно невзначай промолвил Раджив.

– А ты кто такой? – повернулся к индусу морской волк.

– Раджив Сингх, милорд. Сержант 2-й роты 19-го Девонширского полка.

– Верность – похвальная черта, парень. Да, ты угадал, я отбивался шпагой от злющей кобры, пока в конце концов она не цапнула меня, и я не сорвался в чертову машину. Откуда на корабле взялись проклятые шестерни и колеса, я знаю и без вас. Но змеи, откуда взялись змеи?!

– Сандаловый постамент, украшенный золотыми гвоздями с головками в виде цветка лотоса, – тихо ответил Раджив.

– Да, отличный сандаловый постамент, – едва заметно кивнула голова. – Но ты же не хочешь сказать, что эта стоглавая кобра, на которой спал ваш ложный бог, решила покарать меня?!

– Сама она никак не могла этого сделать. За нее об этом позаботились брамины. Постамент был набит кобрами.

– Чушь, сержант! Даже если бы они там сидели, то не смогли бы выбраться оттуда. Я сам осматривал эту штуковину.

На губах Сингха впервые появилась чуть заметная усмешка, полная то ли сожаления, то ли превосходства.

– Весь секрет в гвоздях. Постамент был аккуратно собран, и статуя поддерживалась изнутри на лагах, удерживаемых переплетенными веревками. Под каждым гвоздем был расположен пузырь с кислотой. Когда подводный корабль опустился на глубину, давление в нем повысилось, и гвоздики, войдя в специально сделанное отверстие, прокололи эти пузыри, и тогда кислота начала медленно, но верно разъедать веревки. Неспешно, час за часом, все больше и больше. Затем верхняя часть постамента провалилась и, словно пресс, раздвинула боковые стенки постамента.

– И вот тогда-то эти взбешенные кобры и полезли, – мрачнее на глазах, продолжил коммодор. – Проклятье! И это сделал человек, которому я помог спастись от каторги, помог удержаться на престоле!

– О, нет. Хотя, вероятно, он знал о коварных планах верховного хранителя священного храма Шивы. Я не удивлюсь, если через некоторое время возле «Помпилия» появится железный нарвал принца Даккара, а вслед за тем золотая статуя Шивы чудесным образом снова окажется в храме. Не уверен, что остальные сокровища тоже туда вернуться, но обретенная чудесным образом святыня поможет быстро возместить убытки.

– Проклятье, – заскрежетал зубами коммодор.

– Как видите, милорд, ваша загадка разрешена, – дождавшись, когда сикх закончит свою речь, гордо произнес Шейли-Хоупс, – давайте поговорим о награде: могли бы вы больше не пугать обитателей замка?

– Что, совсем? – разочарованно выдохнул Джеймс Рейджинальд Улфхерст.

– В идеале, да.

– Это Маргарет вас попросила? Черт побери, а было так весело! Признаюсь вам, приятели, впервые, сколько себя помню, я смог отдохнуть от души, – он на миг задумался, – вернее, нет, отдохнуть от тела. Никто больше не смеет требовать, чтобы я придерживался всех этих дурацких правил хорошего тона, сдержанно кивал и улыбался, когда хочется пнуть с размаха. Или вот эта трубка – моя супруга не выносила запах табака, да еще твердила, что курение вредит моему здоровью. Но теперь-то оно ему не вредит! Я могу повисеть этак с трубкой хорошего табачного дыма в своей обожаемой библиотеке, полистать книги, похохотать, если смешно, или узнать мнение какого-нибудь гостя о прочитанном.

– Вы не могли бы ограничиться полуночными часами и Днем Всех Святых?

Коммодор недовольно скривился.

– И после смерти никакой жизни! Ладно, передайте Маргарет, что в День Всех Святых я, как в прежние годы, приду взъерошить ей волосы. Ну и по субботам буду захаживать в гости... А пока вернусь на «Помпилий» и устрою там достойную встречу принцу Даккару!

Паротон с новым, еще не запыленным окном ждал у крыльца.

– Вы, вы!.. – сияющая от радости Маргарет утерла слезу радости. – Я и подумать не могла, что вы так быстро распутаете это дело. Это невероятно, просто невероятно! Признайтесь, на самом деле ваше настоящее имя Шерлок Холмс?!

– Думайте так, как считаете нужным, мэ. – Стивен оперся на трость, поклонился даме и пожал руку ее мужу. – Раджив, возьми саквояж.

Участь белого человека

Надпись на закрепленной у входа жестяной табличке гласила: «Частный детектив Шерлок Холмс». Однако не надо было работать частным детективом или просто служить в Скотланд-Ярде, чтобы заметить, что имя и фамилия на вывеске написаны совсем другой краской, нежели название профессии, причем столь неровно, словно на бегу. Наметанный глаз профессионального сыщика сразу бы определил, что надпись неоднократно соскабливалась, исправлялась и снова с потрясающим упорством восстанавливалась в том виде, в каком увидел ее молодой человек в строгом деловом костюме, остановивший кэб аккурат напротив дома на Бейкер-стрит, 22/1. Он вытащил из портмоне визитную карточку, сверил адрес, и лишь затем протянул руку к дверному молотку. Слуга-индус отворил зарешеченное оконце тяжелой двери и устался на гостя вопросительно, ожидая, что тот объявит причину своего появления.

– Здесь проживает мистер Стивен Шейли-Хоупс, эсквайр? – сухо поинтересовался незваный гость.

– Здесь, – подтвердил слуга.

– Меня зовут Сэмюэль Смит. Я являюсь помощником нотариуса. Вот, прошу...

Человек в костюме просунул сквозь решетку визитную карточку и объявил:

– Моему боссу необходимо встретиться с достопочтенным мистером Шейли-Хоупсом.

Лязгнув засов, дверь отворилась, и слуга в полевой форме одного из полков британской армии, но без знаков различия, указал посетителю на лестницу, ведущую на второй этаж. Хозяин жилища, широкоплечий коренастый мужчина с бритой головой, похожей на огромный бильярдный шар, хмуро устался на чужака. По всему было видно, что к нотариусам, их помощникам и прочей чернильной братии он испытывает смешанные чувства и эта смесь довольно взрывоопасна. Справившись наконец с безотчетной неприязнью, мистер Шейли-Хоупс указал посетителю на стул и без особого интереса спросил:

– Чем обязан, сэр?

– Мистер Уэсли Кларк, мой начальник, просит вас незамедлительно прибыть по адресу Крисчен-роуд, 17, где состоится оглашение завещания вашей родственницы, покойной миссис Агаты Хоупе. – Он вытащил из внутреннего кармана пиджака запечатанный пакет. – Вот, прошу вас.

– Должно быть, это какая-то ошибка, – не без удивления рассматривая заверенное нотариусом приглашение, сказал частный детектив. – Я не знаю никакой миссис Агаты Хоупе.

Гость чуть заметно пожал плечами.

– Я тоже не имел чести быть с ней знакомым. Однако, согласно завещанию, сэр Уэсли Кларк является душеприказчиком усопшей, а я, как вы сами понимаете, лишь выполняю его поручение. И оно вполне недвусмысленно – я обеспечить ваше присутствие, не ведаю почему, причем вместе с вашим ассистентом, мистером Радживом, по адресу Крисчен-роуд, 17. Там состоится оглашение надлежащим образом оформленного завещания миссис Хоупе. Я был бы весьма благодарен вам, сэр, если бы вы последовали за мной. Кэб ожидает на улице. И если мы не поспеем к обозначенному в приглашении часу, оплата экипажа будет произведена из моего жалованья. А оно, смею вас уверить, не слишком велико.

– Это довольно странно, – пробормотал сыщик, внимательно изучая приглашение в поисках несоответствий. Если даже какая-то моя дальняя родственница, вспомнившая перед уходом в мир иной, милого шалунишку Стивена, которого лет тридцать тому назад угощала леденцами, то причем здесь Раджив?

– Не имею ни малейшего представления, но буду весьма признателен, если вы поторопитесь.

– Хорошо, – недовольно буркнул здоровяк и промокнул выступивший на лбу пот клетчатым платком. – Ожидайте нас в кэбе. Мне надо переодеться.

Дверь нотариальной конторы Кларка отворилась, пропуская мистера Шейли-Хоупса в парадном мундире лейтенанта Девонширских стрелков с медалями и крестом Виктории на груди и его молчаливого, как подобает вышколенному слуге, и слишком смуглого для англичанина спутника. На рукавах у обоих красовались черные траурные ленты, а на лицах была написана подобающая случаю вселенская скорбь. Шедший следом за ними помощник нотариуса оглянулся и, убедившись, что за ними никто не следит, тщательно запер за собой дверь. Нотариальная контора была пуста. Ни единого клиента, желающего заверить дарственную или купчую, ни секретаря, который обыкновенно, словно цепной пес, охранял подступы к двери шефа. Все эти несоответствия, конечно, не укрылись от цепкого взгляда частного детектива, и на всякий случай он поудобнее ухватил длинную трость с набалдашником в виде земного шара в когтистой львиной лапе.

– В этом нет нужды, – заметив и по достоинству оценив движение безутешного родственника, сказал Сэм Смит. – Проходите, джентльмены, вас ждут.

Кабинет мистера Кларка настолько сильно походил на сотни других таких же кабинетов, что любой посетитель мог заранее сказать, что за мебель там будет расставлена и какие книги будут лежать на полках. Разнились только мелочи, вроде цвета и рисунка обоев, но и они были настолько непримечательными, что обычный человек, не привыкший наблюдать и делать выводы, пожалуй, не смог бы уверенно сказать, были на стенах обои, или нет.

Сэр Уэсли Кларк, высокий, подтянутый, с легкой проседью на висках и лицом, одинаково хорошо подходящим как к обстановке Букингемского дворца, так и к джунглям далеких колоний, уверенным жестом указал посетителям на кресла.

– Насколько я понимаю, – настороженно осматриваясь по сторонам, хмыкнул частный детектив, – я являюсь единственным наследником бедной миссис Хоупе?

– Должен вас разочаровать, сэр, – усаживаясь за стол, объявил нотариус. – Поскольку эта дама никогда не существовала, то ее наследство составляет кругленькую сумму. – Он сложил большой и указательный пальцы. Ноль фунтов, ноль шиллингов, ноль пенсов.

– Нечто подобное я и предполагал, – не меняясь в лице, кивнул «убитый горем племянник». – Не стану возмущаться по поводу идиотских шуток, однако потрудитесь объяснить, с какой целью вы устроили этот нелепый спектакль?

Уэсли Кларк, выдерживая паузу, смерил гостей долгим взглядом, словно решая, можно ли им доверять. Похоже, наблюдения удовлетворили его, и в конце концов он прервал молчание.

– Вам ли не знать сэр, что для всего на свете существуют свои веские причины. Как я уже сказал, никакой миссис Агаты Хоупе, насколько мне известно, не существовало, но вместе с тем у вас есть неплохой шанс, согласно завещанию бедной одинокой тетушки, получить тысячу фунтов.

Частный детектив криво ухмыльнулся:

– Нна каких же условиях?

– Во-первых, если вы получите эти деньги, то будете придерживаться именно такой версии их происхождения. Никакие сведения о самом деле или его деталях не должны просочиться за пределы этого кабинета. Можете не сомневаться, вы получите все необходимые документы о праве на наследство, а другие наследники не объявятся вплоть до Судного дня.

– Стало быть, мне предстоит работа на правительство?

– Угадали.

– Это многое объясняет. Но почему бы вам тогда не пригласить меня...

– Потому что официально, – перебил его нотариус Кларк, – никакого дела нет.

– Забавно. Возьмете ли вы на себя труд объяснить, в чем заключается моя будущая работа, или мне следует самому обо всем догадаться?

Хозяин кабинета молча кивнул, должно быть, обдумывая, что надлежит утаить, а о чем можно рассказать.

– Нам известно, – наконец заговорил он, – как быстро и успешно вы раскрыли дело с призраком коммодора Улфхерста. Признаюсь, я впечатлен. И не только я. Пожалуй, на сегодняшний день во всей Британии не найдется другого детектива, который умеет так ловко работать с призраками. А учитывая ваш боевой опыт...

Стивен Шейли-Хоупс оглянулся на своего молчаливого спутника, чтобы скрыть от собеседника страдальческое выражение лица.

– Во-вторых. Должен сразу предупредить: вас ожидает встреча с, как бы это выразиться, существом не менее эфемерным, но куда более гнусным, нежели покойный коммодор.

– Вы меня заинтриговали. Давайте ближе к сути дела.

– Скажите, мистер Шейли-Хоупс, что вам известно о ханстве Канджут?

– Не много. Когда я служил в Кашмире, местные жители называли те места пристанищем самых отвязанных негодяев, основным ремеслом которых были разбой и торговля рабами.

– Так и есть, – подтвердил любезный нотариус. – Крайне неприятное место. Справедливости ради следует отметить, что в тех краях издревле куют отменные клинки. При этом, согласно древнему обычаю, выковав новый меч, канджутцы немедленно стремятся напоить его кровью врагов, каковыми испокон веков считают всех чужаков. Иначе сталь будет страдать от жажды и потребует крови хозяина.

– Да, я слышал об этом обычае и связанном с ним поверье, но не воспринимал их всерьез.

– И напрасно. Это чистая правда. Сам Бог велел нашей стране положить конец бесчинствам свирепых дикарей, попирающих все людские и божьи законы. Но, увы, на сегодняшний день это невозможно, поскольку любое вмешательство извне может повлечь нежелательные политические и стратегические последствия. Дело в том, что Канджутское ханство расположено в узкой долине между Памиром и Гималаями, на берегах одноименной реки, которая является одним из притоков Инда. И сегодня, как бы это ни было нам противно, мы вынуждены поддерживать дипломатические отношения, пока что тайные, с правящим домом этой варварской страны.

Если вы следите за политическими новостями, то должны хорошо знать, что для России, активно расширяющей свои границы на востоке, Канджутское ханство – отличная калитка в нашу Северную Индию. А тот факт, что канджутцы испокон веков совершают набеги на Бухару, ныне присоединенную к России, дает русскому медведю отличный повод кованым сапогом выбить упомянутую «калитку», и с удобствами расположиться прямо на нашей границе. Недавнее восстание русского выкормыша, Исхак-хана, в Афганистане отлично демонстрирует, чем нам это может грозить.

– Все это весьма познавательно и интересно, однако не могли бы вы перейти к делу?

– Я вам рассказываю все это, – поморщился «нотариус», – чтобы вы поняли, что сегодня поставлено на карту. И, будучи человеком неглупым, к тому же офицером, вы должно быть сами уже догадались о причинах абсолютной секретности расследования. Каждому британцу, который хоть немного интересуется проблемами колоний, известно, что мы враждебно настроены по отношению к Канджутскому ханству. И потому общественное мнение неоднозначно воспримет сообщение о гибели наследника тамошнего престола, генерала Алаяр-хана, или принца Алаяр-хана, если так вам больше нравится. Это может привести к грандиозному скандалу в Парламенте и даже к правительственному кризису!

Неделю назад этот предводитель разбойничьих банд прибыл в Лондон на переговоры. Чтобы не привлекать лишнего внимания, ему была предоставлена резиденция Оукбридж неподалеку от столицы. Предварительные консультации только начались и продвигаются крайне

медленно из-за мерзкого нрава его генерала, пожелавшего власть отдохнуть за счет британской казны.

Но сегодня за полночь он был найден мертвым там, в имении. Одиннадцать его наложниц подняли такой вой, что разбудили привратника. Тот сообщил в Форин-офис. Слава богу, не в Скотланд-ярд!

– Причина смерти? – Стивен Шейли-Хоупс напрягся, как борзая, взявшая след.

– У него проломлен затылок.

– Вот как? Интересно. Найдено ли орудие убийства?

– Да. Оно находится там, на месте. Это мраморная колонна.

– То есть кто-то ударил Алаяр-хана головой о колонну?

– Возможно, но следы крови находятся на высоте шести с лишним футов. Словно некий гигант поднял мужчину внушительного сложения и хорошенько приложил его затылком об камень.

– Очень интересно. Насколько я понимаю, свидетелей нет?

– Напротив. Почти целая дюжина свидетелей, вернее, свидетельниц.

– Но они испуганы и молчат?

– Вовсе нет, они лопочут без остановки, как сороки.

– Что же они рассказывают? Видели убийцу?

– Почему мне знать?! Я не владею сорочьим наречием. Эти одиннадцать прелестных, конечно по восточным меркам, гурий, что-то твердят, не умолкая, однако никто из наших специалистов по хинди не может понять ни слова из той околесицы, что они несут.

– Если мне будет позволено, сайб, – тихо проговорил Раджив. – в Канджуте говорят на языке бурушаски. Им владеют всего несколько тысяч человек, которые живут в самом ханстве и на севере Кашмира. Этот язык ни на что не похож. Сами канджутцы утверждают, что они являются потомками солдат Александра Македонского и, в отличие от индусов, считают себя белыми людьми. По их словам, именно так переводится самоназвание буруши.

– Все это весьма занятно, но мало что нам дает. Не сомневаюсь, что у принца был переводчик. Ведь как-то он намеревался вести переговоры с представителями Форин-офис. Где этот человек сейчас?

– Да, – грустно подтвердил мистер Кларк, – действительно, был. Тамошний переводчик, специально приехавший с Алаяр-ханом. Но он куда-то пропал, в спешке бросив все свои вещи. Полагаю, этот тип напрямую причастен к убийству. Но это уж вам предстоит выяснить.

– Час от часу не легче. Но позвольте узнать, причем здесь мой опыт общения с призраками?

– Видите ли, дражайший мистер Шейли-Хоупс, всю прошлую ночь и сегодняшний день призрак этого чертова разбойника, несколько не смущаясь своей проломленной головой, носится по Оукбриджу, потрясая острой саблей и выкрикивая на своем тарабарском наречии что-то непонятное, но крайне недружелюбное. Коронеры едва не отправились на прием к святому Петру, пока забирали бранные останки. Дух проклятого туземца какое-то время отсутствовал, потом вылетел невзвешен из-за какого угла и начал рубить все на своем пути. Так что пока один коронер тащил на спине труп, другой прикрывал его стулом от сабельных ударов.

– Его можно понять, – хмыкнул сыщик. – Смерть – достаточный повод для обиды.

– Его нужно понять, – тоном, не терпящим возражений, подчеркнул нотариус. – С пригорбьем должен сообщить, что мы уже потеряли двух констеблей. Их оставили в доме охранять место преступления, и оно немедленно стало местом новых убийств! Причем тут, увы, мы вряд ли сможем предъявить кому-либо обвинения. И нельзя исключить, что это только начало. Мы представления не имеем о намерениях этого проклятого призрака. Могу вам сказать лишь одно – от него необходимо избавиться. Да, да, избавиться, не привлекая ненужного внимания.

Чем скорее, тем лучше. По официальной версии, Алаяр-хан погиб в результате несчастного случая.

Нам жизненно необходимо расследовать это дело, понять, кто, для чего и как прикончил этого гнусного выроodka еще до того, как мы сами решили сделать это.

Можете не сомневаться, все расходы будут покрываться из специального фонда Форин-офиса. Любые сотрудники полиции, да и вообще любые подданные Британской империи, если таковые понадобятся, в полном вашем распоряжении. Майор Керстейн, о, простите, мистер Сэмюэль Смит проследит, чтобы вы получили все, что вам потребуется. – Стоявший у дверей «помощник нотариуса» по-военному щелкнул каблуками. – От вас же, как уже говорилось, требуется полная конфиденциальность. И, несомненно, конечный результат. Я же, со своей стороны, должен вас заверить: у покойной тети Агаты хорошая память, и она даже после смерти будет неизменно добра и щедра к дорогому племяннику.

Мистер Смит, пожалуй, чересчур молодежавый для звания майора, смерил заинтересованным взглядом временного начальника.

– Какие будут распоряжения, сэр?

– Расплатитесь с кэбменом, – буркнул частный детектив.

– На этот счет можете не беспокоиться. Сержант Эшли и его экипаж в полном нашем распоряжении.

– Я почему-то так и думал.

– Желаете посетить место преступления?

– Посетить я желаю представление в «Ковент-гардене», а побывать на месте преступления я обязан.

– Извините, сэр. Ваш ассистент отправляется с нами? Если, как сам он утверждает, язык, на котором говорят в Канджуте, столь уникален, то в качестве переводчика Раджив бесполезен.

– Это уж я буду решать, полезен он, или нет. Вперед, майор! Оукбридж ждет нас.

– Обязан напомнить, сэр, что входить в здание смертельно опасно: призрак носится по всему дому в поисках своего убийцы, и всякий мужчина может стать объектом нападения.

– Вы отлично справились со своей обязанностью. Да, злобный нрав усопшего представляет проблему, но, помнится, коммодор тоже принял нас не слишком любезно. И тоже норвил потыкать в меня шпагой.

– У меня есть все основания полагать, что Алаяр-хан владеет клинком много лучше, нежели покойный коммодор Улфхерст. А учитывая, что вы при всем желании не сумеете ранить его, я не стал бы держать пари за вашу победу.

– Могу ли я высказать свое мнение? – почтительно спросил стоявший за спиной детектива Раджив.

– Мы внимательно слушаем, – кивнул сыщик.

– Полагаю, отсюда до Оукбриджа не более двух часов езды. Если мы поторопимся, то будем там примерно в 4.30 пополудни. Уверен, если мы поспеем к этому времени, то сможем беспрепятственно войти в дом.

– Откуда вам это известно? – насторожился майор Керстейн.

– Из того, что я услышал от вашего шефа.

– Не стоит так волноваться, Сэм, – ухмыльнулся сыщик. – Все очень просто. Убитого звали Алаяр, что означает – Следующий Аллаху. Следовательно, он мусульманин. А раз так, то мы поспеваем как раз к намазу Аср. Уверен, даже став призраком истинный правоверный не пропустит намаз.

– Тогда следует поспешить.

– Несомненно. А по пути мы прикинем, кому могла быть выгодна смерть Алаяр-хана.

– Конечно русским, кому еще?! – дернул плечом майор, сопровождая к экипажу сыщика и его слугу.

Бруэмовский кэб, довольно вместительный и, благодаря рессорам, мягкий на ходу, быстро катил по старой римской дороге.

– Я полагаю, это дело рук проклятых русских. Сейчас в Лондоне находится их полномочный представитель. Я лично видел людей из его свиты. Это настоящие русские медведи, они готовы в клочья разорвать всякого, кто встанет у них на пути. А вы сами понимаете, что закрыть северным варварам дорогу через Канджут в Кашмир это все равно что отнять кость у голодного пса, – настаивал майор.

– Предположим. Могли ли русские знать о тайном визите?

– Конечно. Хотя Алаяр-хана и его свиту в обстановке полной секретности представители Ост-Индской кампании привезли на своем корабле, исчезновение наследника престола из горного княжества никак не могло остаться незамеченным.

– Возможно, и так. Но им известно только об отъезде, а не о пункте назначения. К тому же, пока новость дойдет до русских, пока с курьером доберется до столицы, пока в столице примут какое-то решение, и курьер доставит депешу в Лондон... Учитывая привычку русских долго чесать затылок, а уж затем гнать во весь опор, они, даже если и проведали о приезде Алаяр-хана в Лондон, то вряд ли успели получить необходимые указания. Сомневаюсь, что кто-то из русского посольства станет действовать на свой страх и риск.

Более того, быстро раскрыть тайное убежище покойного, организовать нападение и успеть незаметно скрыться... Не знаю, сэр, на каких полях сражений вам удалось получить звание майора, но, поверьте мне: проделать вышесказанное в чужой стране, к тому же, не привлекая внимания местных жителей, весьма непросто. Для этого нужен особый боевой талант.

– Полагаю, следует обратить внимание на исчезнувшего переводчика, – напомнил майор Керстейн.

– Что о нем известно?

– Увы, немного. Он владеет английским, французским, хинди, фарси. Этим самым, – Керстейн выразительно поглядел на Раджива, – канджутским языком и множеством туземных наречий.

– Прекрасно, но как это может нам помочь? Что еще о нем можно сказать?

Сэм Смит недоуменно пожал плечами.

– Он же переводчик, почти никто. Что может быть о нем известно? Должно быть, такой же туземец, как и его господин. Раджив отвернулся и принялся разглядывать заросшую кустарником обочину за окном.

– Толмач обитал в том же доме, где принц? – едва заметно покачал головой Шейли-Хоупс.

– Нет, во флигеле.

– Хорошо, просто великолепно. Значит, мы без помех сможем осмотреть его комнату. Того, что вы рассказали, совершенно недостаточно. Нам нужны дополнительные сведения. Например, возможно, переводчик вовсе не одного рода и, вероятно, даже не одного племени с Алаяр-ханом. Иначе бы он непременно обитал в его доме.

На лице майора отразился дежурный интерес, который привычно изображают чиновники, не имеющие охоты вникать в суть дела и давно признавшие абсолютно верной едва ли не первую пришедшую им в голову версию.

– Да? Занятно, занятно. Кстати, – вспомнив нечто важное, добавил Сэм Смит, – на расвете, в ходе осмотра места преступления, на лестнице были обнаружены мусульманские четки из оникса и серебра. Возможно, они принадлежали самому принцу, может переводчику, но не исключено, что их обронил убийца. Вероятно, душегуб такой же дикарь, как и Алаяр или его

слуги. Но после недавних завоеваний и у русских появилось много таких головорезов. Уверен, это их рук дело. А переводчик, как это водится у восточных туземцев, предал своего господина, провел убийцу в дом, а потом сбежал вместе с ним. Попомните мои слова, – майор Керстейн расправил плечи и смерил детектива взглядом, полным нескрываемого превосходства, – я никогда не ошибаюсь!

Сознавая полную бесполезность дискуссии, Стивен Шейли-Хоупс решил поберечь запасы бисера и, не желая более метать его почем зря перед кем попало, быстро перевел разговор на другую тему.

– Давайте подумаем, кто еще мог желать смерти его высочества.

– Боюсь, таких нашлось бы преизрядное количество. Алаяр-хан был известным головорезом. Не так давно он решил, что жители соседнего княжества Рушан предупредили купцов об устроенной им засаде на караван. Те хорошо вооружились и дали отпор нападавшим. Подозрения было вполне достаточно, чтобы устроить набег на соседские земли, убить сотни жителей и сжечь мирные селения.

А совсем недавно этот воинственный азиат получил звание генерала от эмира Афганистана Абдурахман-хана. Он привел эмиру тысячу сабель, когда тот сражался против мятежного кузена – Исхак-хана. В землях Термеза Алаяр пролил реки крови, чтобы не допустить распространения мятежа, чем заслужил огромную благодарность Абдурахман-хана и ненависть выживших. Но должен напомнить, что Исхак-хан поднял оружие при деятельной помощи русских. Так что я уверен, вы быстро найдете на месте преступления их следы.

– Быть может, быть может. Но предположим все-таки, что это сделали не они. Кто еще?

– Мне непонятно ваше упорство и нежелание принять очевидное, – нахмурился майор. – Но если вы хотите играть в шарады – пожалуйста: смерти Алаяр-хана могли желать китайцы. Дело в том, что Цинская империя тоже мечтала прибрать к рукам Канджутское ханство. При тамошнем дворе имеется сильная партия тайных приверженцев Бейджинга (Пекина) во главе с Нафиз-ханом, младшим братом правителя...

Ну, вот мы и приехали. Осматривайте все, что пожелаете. Я жду ваших указаний.

Поместье Оукбридж, обнесенное высоким чугунным забором, увенчанным сотнями острых шпилей, было прекрасным образцом имперской архитектуры. Одним из тех шедевров колониального стиля, которые радовали глаз отставных генерал-губернаторов, генералов и губернаторов далеких туземных земель – несколько абсурдная для местного сырого климата попытка воссоздать дворец мавританского султана или индийского Великого Могола. Возведенная благодаря непревзойденному британскому упорству вилла утопала в экзотической зелени. Стены обвивал краснолиственный виноград, деревья в саду были опутаны тонкими лианами, а у крыльца в кадках из резного камня стояли пальмы в человеческий рост – память о покоренных заморских территориях. Мраморные львы над лестницей, водрузившие лапы на земной шар, символизировали грозное владычество метрополии.

Впрочем, внимательный наблюдатель без труда бы заметил стоящие рядом с резиденцией неказистые флигели, которые были построены явно раньше, чем основное здание. Стивен Шейли-Хоупс достал из левого нагрудного кармана массивные серебряные часы, щелкнул крышечкой и резюмировал, кивнув головой:

– Быстро добрались. У нас есть еще двадцать минут, чтобы осмотреть жилище переводчика.

Майор Керстейн дернул за шнур колокольчика у ворот. Широкоплечий рослый привратник с огненно-рыжими бакенбардами появился на крыльце сторожки и, увидев гостей, стремглав бросился к воротам. Едва «следственная группа» вошла во двор, как мужчина вытянулся перед мистером Шейли-Хоупсом и, поедая почтительным взглядом его мундир, прижал руки к бокам и отрапортовал:

– Господин лейтенант, во вверенном мне имении Оукбридж никаких происшествий зафиксировано не было.

– А призрак? – не вдаваясь в расспросы, поинтересовался частный детектив.

– Бесится в своих апартаментах.

– Свидетельницы?

– Сидят тихо под замком вон в том флигеле.

– Переводчик жил там же?

– Никак нет, во флигеле напротив.

– Проводите нас туда.

– Есть, сэр!

Привратник указал на посыпанную мелким гравием дорожку.

– Сюда, сэр.

– Вы, я так понимаю, еще совсем недавно служили в армии? – шагая рядом с провожатым, спросил детектив.

– Так точно, сэр. Капрал 92-го Шотландского полка.

– Хайлендеры Гордона?

– Именно так, господин лейтенант.

– Довелось поучаствовать в сражениях?

– Так точно, сэр. В последней нашей кампании в Афганистане.

– Очень хорошо. А здесь, в Оукбридже, чем занимаетесь?

– Да как сказать? При покойном лорде Тоутоне был смотрителем здания, а с тех пор, как имение отошло в казну, мне нашли тут местечко. Я и за привратника, и за садовника, и за конюха. Если надо, могу и в доме что поправить. Все, стало быть, на Мак-Кензи, то есть на мне, сэр.

– Понятно. А где вы были в момент убийства? – Стивен Шейли-Хоупс внимательно посмотрел на бывшего солдата. На лице у того отразилось замешательство.

– Вас что-то смущает, капрал?

– Да, сэр. Я не могу точно сказать, в каком часу произошло убийство. Но вчера я весь день находился в усадьбе.

– Но ведь свидетельницы кричали?

– Это же восточные женщины, сэр. Может, и кричали, но себе в кулачок, не то, что наши, те ревели бы, как олени в дни гона.

– А кто обнаружил тело?

– Я, сэр.

– Они вас позвали?

– Нет, сэр. Я услышал, что музыка внезапно стихла, и зашел в дом. – Лицо бывшего солдата исказила болезненная гримаса отвращения.

– А почему вы обратили на это внимание?

– Прежде тишина наступала лишь глубокой ночью.

– Понятно. А вы? Где вы были в это время?

– Затрудняюсь ответить. Прошу вас, сэр, мы пришли.

Мак-Кензи достал из сумки на поясе ключи и отпер дверь флигеля.

– Мистер Смит, насколько я понимаю, имение под охраной?

– Несомненно.

– Будьте любезны, проверьте все посты и самым тщательным образом расспросите, не было ли чего-либо подозрительного.

– Вы полагаете, что преступник может вернуться на место преступления?

– В утренней «Таймс» о смерти Алаяр-хана не писали. Удар головой о колонну, даже сильный удар, не всегда приводит к смертельному исходу. Если убийца действовал столь мол-

ниеносно, что его не успели заметить, вряд ли у него было время удостовериться в смерти. Если, как вы полагаете, действовал профессионал, то он должен убедиться в выполнении задания. И, черт побери, выясните, куда исчез переводчик! Он немышь! Тем более не летучаямышь, прости, господи! Опросите местных бобби, может, кто из них видел чужака. Действуйте, сэр! Жду от вас результатов.

Майор Керстейн, явно не слишком обрадованный перспективой выполнять команды какого-то армейского лейтенанта, скривился, кинул недобрый взгляд на стоящего без движения Раджива и отправился выполнять приказ.

– Я еще нужен, сэр? – поинтересовался капрал МакКензи.

– Пока нет. Впрочем, окажите любезность, опишите приметы переводчика, вы же, разумеется, видели его.

Смотритель здания шумно выдохнул и призадумался.

– Роста он, пожалуй, не больше пяти с небольшим футов, телосложения худощавого. Тощий, одним словом. Лицо восточное, смуглое. Глаза раскосые. Волосы черные. Больше похож на китайца, чем на индуса или афганца. – Хайлендер задумчиво пожал плечами. – Ну что еще сказать? Тихий, скромный такой. Все в доме сидел, когда хозяин его к себе не звал.

– В тот вечер звал?

– Не могу знать! Не слышал.

– Немного, – вздохнул сыщик. – Ладно, оставайтесь здесь, мы осмотрим комнаты беглеца.

Привратник браво вытянулся и остался стоять у входной двери.

Личные покои тихого полиглота радовали глаз изысканной восточной роскошью, тем более впечатляющей, что говорила она о тонком вкусе обитателя покоев, а не просто о типичной для азиатов любви к ярким цветам и обилию золота. Все в комнатах было на своем месте и радовало глаз.

– Ну, что скажешь, Раджив? – убедившись, что шотландец не подслушивает, со вздохом спросил сыщик.

– Занятое дело.

– Глубокомысленное замечание. А более конкретно?

– Есть основания предполагать, что исчезнувший невесть куда полиглот родом из Бухары.

Или как минимум прожил там много лет.

– Почему ты так решил?

– На стенах и на полу бухарские ковры. Они очень дороги, но здесь их четыре штуки.

– Почему ты решил, что они именно бухарские?

– В тех краях помимо Бухары ковром качеством славятся Хива и Самарканд, но все ковры отличаются по рисунку и расцветке. Скажем, в самаркандских коврах преобладают черные, красные и синие тона, а вот такой длинный ворс и многоцветный яркий рисунок характерны для бухарских ковров. Да и вплетенные в узор оберег-тумар и рога архаров так же указывают на это.

– Может быть, толмач просто любил бухарские ковры.

– Может быть, и так.

– Надо признать у этого малого вообще любовь к роскоши не слишком характерная для скромного переводчика, каким его представляет Керстейн.

– При всем уважении, должен заметить, что сей знаток языков скромником никоим образом быть и не должен. Видишь ли, Стив, в Канджуте нет письменности. Единственный грамотный человек там – секретарь могущественного Сафдар Али-хана, владыки княжества. Таким образом в ханстве борются с фальсификацией документов. Так что грамотея для дипломатической миссии, хочешь не хочешь, приходится нанимать на стороне.

Неведомого нам бухарца можно было бы назвать начальником личной канцелярии его высочества, если бы таковая у него имелась. Другими словами, он совсем не простой тузем-

ный переводчик, как это думает майор. Скорее всего, он бухарец знатного рода. Возможно, с университетским образованием. Вероятно, нам стоит внимательно ознакомиться с биографией этого человека. Но пока это невозможно, давайте осмотрим его вещи и узнаем что они могут сказать о своем владельце.

Смотрите-ка, в изголовье кровати среди шелковых подушек лежит нож. Это бухарский пчак.

– Я видел такие же в Афганистане. – Шейли-Хоупс взял нож и поднес его поближе к глазам. – Вот, кстати, и герб эмирата.

– Верно, и все же это бухарский пчак. На афганском заклепки на рукояти расположены полуконвертом, а здесь – по прямой линии. Возможно, он был выкован для кого-то из свиты Нсхак-хана, как мы помним претендовавшего на трон афганского эмира.

– Ты хочешь сказать, что переводчик входил в его свиту?

– Очень может быть, и это работает на версию Керстейна о русском следе. Ведь Бухара сейчас под рукой, или, точнее, под пятой Российской империи. Да и восставших Россия подерживала. Во всяком случае, в начале. Впрочем, пчак легко мог оказаться среди афганских трофеев. Дамасская сталь, чеканное серебро и черное дерево на рукояти – такой нож стоит немалых денег.

– Даже если и так, вряд ли Алаяр-хана убил переводчик. Уж во всяком случае, не этим оружием. Хотя, может быть, очень этого хотел. Посмотри, какое острое лезвие, – Шейли-Хоупс коснулся лезвием волос на запястье. – Как бритва.

– На тумбочке возле кровати стоит точильный камень. Видно, переводчик не терял времени даром. Согласись, не самая обычная привычка – точить нож на сон грядущий. Думаю, именно так бухарец восстанавливал душевный покой. Тебе ли не знать, как успокаивает нервы подобное занятие.

– Готов согласиться. Но к чему ты клонишь? – поинтересовался сыщик.

– Можно предположить, что бухарец ненавидел своего шефа. Возможно, каким-то пока неведомым нам способом он смог втереться в доверие к Алаяр-хану, чтобы в удобный момент прикончить его. Скорее всего, эта ненависть личная. Судя по состоянию камня, толмач день за днем точил нож, никак не решаясь всадить его в горло принцу. Если так, вряд ли в последний момент он отложил нож в сторону и разбил голову поднаторевшему в схватках разбойничьему атаману.

– Он мог впустить убийцу.

– Теоретически, да. Но была ли у него такая возможность? Как он мог сноситься с заговорщиками, если постоянно сидел в поместье и выходил из этого флигеля только по приказу хана? Можно, конечно, предположить что под полом есть тайный ход, но даже если бы он тут и был, откуда о нем могли знать убийцы?

– Хорошо, на эти вопросы мы пока ответить не можем. Также мы не знаем, куда подевался переводчик после смерти Алаяра, – подытожил частный детектив.

– Верно. Но вам ли не знать, мой лейтенант, что стража всегда уделяет больше внимания тем, кто проникает в крепость, а не выходит из нее. Полагаю, бедолага скоро отыщется. Тем более, что на каминной полке лежит бумажник тисненой кожи. Надо полагать, это его бумажник.

– Думаешь, переводчик исчез не по своей воле?

– Пока утверждать рано. Но вот этот нож был ему очень дорог, а он оставил его здесь, у изголовья. Значит, торопился так, что не успел заскочить в свой флигель.

– Хорошо. Исключаем его пока из числа подозреваемых. А что ты думаешь о китайцах?

– Признаться, я их пока ни в чем не подозреваю. Они великие мастера своего дела, и не посылают людей бездумно крушить черепа врагов. Их почерк – касание отсроченной смерти. Если бы мы имели дело с китайцами, Алаяр-хан умер бы еще в море на корабле от внезапной

остановки сердца или паралича легких. И оставалось бы только гадать, пьяный ли китайский грузчик-кули в порту случайно толкнул высокого господина, или прелестная наложница легко и нежно помассировала нужную точку в нужное время.

– Значит, все же русские? Но они не успели бы проверить все так быстро!

– Если бы русские вздумали захватить Канджут, они бы уже давно были там, независимо от договоренностей нашей королевы с наследником канджутского престола. Зачем им терять лицо, убивая в чужой стране какого-то никчемного разбойника, если они могут поднять и вооружить подвластных им восточных правителей для справедливого отмщения грабителям и убийцам. Этим добрым людям всегда есть за что отомстить друг другу. Так что, пока Алаяр-хан вел бы переговоры здесь, там, в его землях, не осталось бы камня на камне.

– Стало быть, Россию мы тоже не принимаем в расчет?

– Мы не считаем ее априори виновной, – уточнил Раджив. – Но сейчас я бы хотел взглянуть на свидетельниц и, – он глянул на тикающие каминные часы, – на место преступления. Думаю, нам следует поторопиться и начать со второго.

Бравый шотландец вытянулся в струнку перед высокими гостями.

– Приятель, а не проводишь ли ты нас к месту убийства?

Лицо хайлендера искривилось так, будто он только что съел весь урожай лимонов какой-нибудь колониальной деревушки.

– Прошу извинить меня, сэра, но там этот дух... Мы, шотландцы, страсть как не любим иметь дело с призраками. Впрочем, вы сами все увидите. Разминуться с ним сложно. Как по лестнице подниметесь, сразу увидите большую залу, в которой его ублажали танцовщицы.

– Танцовщицы? – переспросил Шейли-Хоупс.

– Так точно. Этот принц с собой одиннадцать девиц привез. Одни, стало быть, их чертову музыку играли, другие же в непотребном виде перед ним выплясывали – срамота!

– Нешто тебе не нравится?

Лицо Мак-Кензи вновь стало непроницаемо суровым.

– Я добрый христианин, сэра! И этих бесовских завываний да завлекательных кривляний не признаю. Коль прикажете, я, как велит солдатский долг, пойду с вами, но позвольте мне остаться тут.

– Мы теряем время, – тихо напомнил Раджив.

– Ладно, ступай, найди мистера Смита и напомни ему, что я с нетерпением жду ответа: не встречался ли кому из полисменов мужчина восточной наружности? Опиши им переводчика, но учти, меня интересуют все мужчины восточной наружности, которые могли оказаться в округе.

– Есть, сэра! – браво вытянулся Мак-Кензи и тут же бросился выполнять приказ.

– О чем думаешь? – поинтересовался Раджив, когда частный детектив поднялся на крыльцо. – Вижу, что-то беспокоит тебя.

– Меня удивляет один занятный факт: покойный, уезжая за тридевять земель, прихватил с собой одиннадцать девиц и всего лишь одного мужчину, причем того, который, судя по твоим наблюдениям, ненавидел его лютой ненавистью.

– Может быть, но это лишь предположение, – напомнил слуга. – Вероятно, Алаяр-хан опасался покушения и, судя по тому, что он не прихватил даже воинов из своего рода, на родине ему тоже было чего бояться.

– Да, тип был не слишком приятный. Но, как говорится, нам с ним детей не крестить.

– Учитывая, что он мусульманин, это замечание представляется мне неуместным.

– А учитывая, что он труп, то и подавно. – Стивен Шейли-Хоупс остановился перед резной входной дверью, украшенной множеством крестов, огляделся по сторонам и одним быст-

рым движением извлек из трости шпажный клинок. – На всякий случай, вдруг призрак забыл время очередного намаза, – пояснил он.

Как и говорил капрал Мак-Кензи, место преступления нашлось без труда. Ничего не мешало осмотру, лишь в полном безмолвии где-то под высоким потолком слышался заунывный вой. Место на колонне, к которому хан хорошенько приложился головой, было обведено мелом, хотя кровавое пятно было и так хорошо заметно. Раджив поднял руку, едва не касаясь рокового отпечатка, а затем взглянул на расшитую золотом кошму, все еще валявшуюся на полу, и перевернутый кальян рядом с ней. Судя по всему, именно здесь Алаяр-хан перед смертью изволил наслаждаться танцами своих гурий.

– Музыкантши сидели там, – сказал Раджив, указывая на низкую кушетку, возле которой валялись брошенные в панике экзотические музыкальные инструменты. А тут резвились танцовщицы.

– Что это нам дает? – поинтересовался отставной лейтенант.

– Довольно много, Стив, довольно много. Посмотри, как расположены канделябры.

– За танцовщицами.

– Правильно. А над ними висит люстра. Свечи на ней, сам видишь, не зажигались.

– Ты хочешь сказать, что Алаяр-хан сидел в темноте и смотрел на освещенных девушек?

– Именно так, мой друг. И музыкантши тоже смотрели на своих подруг из темноты. Так что преступнику не составило труда вбежать, совершить убийство и броситься наутек.

– Но само убийство? Такое впечатление, что душегуб подхватил Алаяр-хана с пола, и со всей силы ударил затылком об колонну. Но тогда, судя по отметине, этот неизвестный должен быть как минимум семи футов ростом.

– Может быть, может быть, – согласился Раджив, задумчиво рассматривая кровавое пятно. Однако хорошо было бы взглянуть на покойного. Вряд ли сам он был высок ростом. В тех горах рослые люди – большая редкость.

Завывание под высоким потолком на миг стихло, и, словно по зову Раджива, в воздухе появилась мужская фигура с разбитой головой, в развевающихся одеяниях и с обнаженной саблей в руке. И, в отличие от призрачных одеяний, отточенный шамшир был вполне реальным.

– Аллах Акбар! – ухнуло привидение, добавив к всем известной фразе длинную тираду на совершенно непереводаемом наречии.

– Отступаем! – тут же скомандовал Стивен Шейли-Хоупс и, отмахиваясь клинком от наседающего то с одной, то с другой стороны призрака, начал пятиться к выходу.

Пользуясь моментом, хладнокровный сикх отскочил к кушетке, схватил валявшийся на полу индийский барабан табала и ладонями начал громко выстукивать полковой марш 19-го Девонширского полка. Призрак скривился, оскалив непомерно отросшие с момента смерти клыки, волчком крутанулся в воздухе, демонстрируя во всех подробностях разбитый затылок, и растворился, выронив на пол саблю.

– Уходим! – крикнул Шейли-Хоупс, продолжая отступать к лестнице. – Эта сволочь непременно вернется!

Тут он был прав. Едва смолк барабан, Алаяр-хан вновь сгустился и с надсадным воем бросился вдогонку за детективом и его спутником. Те стремительно, едва не скатившись по ступеням, мчались к выходу, спасаясь от свистящего за спиной клинка.

Распахнувшаяся дверь едва не треснула по лбу капрала Мак-Кензи, но тот вовремя отпрыгнул к перилам высокого крыльца. Выскочившие «гости» поспешили обезопасить внешний мир от взбесившегося призрака, всем весом навалившись на резную дверь. В здании тут же раздался истошный вопль, полный возмущения и досады, а следом хищное острие сабли пронзило насквозь весьма плотную древесину.

– Так он нас поубивает. – Стивен Шейли-Хоупс с опаской поглядел на торчащее острие. Судя по тому, как оно подрагивало, привидение пыталось извлечь саблю. – Нужно запереть дверь! Мак-Кензи, ключи у вас?

– Никак нет, сэр! Мистер Смит забрал всю связку, сэр! Он пожелал осмотреть конюшни.

– Тогда дверь нужно подпереть чем-нибудь тяжелым. Вы могли бы поднять ту пальму? – Стивен указал на дерево, растущее в массивной каменной кадке.

– А как же, – хайлендер гордо расправил плечи, бегом спустился с лестницы, подхватил увесистую бадью и, пыхтя от напряжения, потащил ее наверх.

– Бросайте, бросайте ее сюда! Скорее! – вдруг что есть мочи завопил Раджив.

Бывший капрал напрягся и со всей силы метнул кадку от груди словно ядро. Та, пролетев с полдюжины ступеней, грохнулась на площадку перед дверью и, расколовшись от удара, засыпала крыльцо землей.

– Как же так? – обескураженно проговорил смотритель поместья.

– Ерунда, тащите другую. Мы пока будем держать оборону, – обнадежил сикх. – Кажется, натиск ослабевает. Думаю, призраку скоро надоест сюда ломиться. А главное, на двери вырезаны кресты, следовательно, призрак Алаяр-хана не сможет пройти сквозь нее.

Приободренный, Мак-Кензи побежал за следующей кадкой.

– Я как раз хотел сообщить вам, подхватывая очередную пальму, натужно пробасил он. – Вы были правы. Констебль Ричардс задержал его на вокзале Кинг-Кросс. Он пытался узнать у местных жителей, как добраться до российского посольства.

Детектив с плохо скрываемым удивлением посмотрел на своего помощника. Однако смуглое лицо Раджива было таким же непроницаемым, как светлый лик Будды, с которым он, если верить генеалогическим таблицам, состоял в отдаленном родстве.

– Капрал, будьте любезны, поставьте кадку поближе к двери, – наконец переводя взгляд на доблестного шотландца, сказал Шейли-Хоупс. – И пальму с лестницы тоже тащите сюда. Кажется, его высочество сменил гнев если и не на милость, то хотя бы на безразличие, однако никто не знает, что может прийти ему в проломленную голову. До той поры, пока мистер Смит не явится сюда с ключами, лучше подпереть дверь покрепче.

– Да, сэр! – заученно сгибая руки в локтях и прижимая ладони к бедрам, рывкнул Мак-Кензи, и пододвинул кадку к самой двери, после чего тут же сбежал вниз по лестнице и спустя минуту снова предстал перед сыщиком с экзотическим деревом в руках.

– Подоприте дверь и проводите нас, – Стивен Шейли-Хоупс замялся, подбирая слова, – к свидетельницам.

Двухэтажный флигель, построенный еще во времена первых Тюдоров и, вероятно, перестроенный в Елизаветинскую эпоху, еще совсем недавно использовался в качестве домашнего театра. Весь его второй этаж был разбит на маленькие комнатки-гримерки, а на первом этаже находился зал на полсотни мест.

Неловко переминающиеся с ноги на ногу восточные красавицы были выстроены на сцене, а в зале сидели только два зрителя: сыщик с Бейкер-стрит и его молчаливый помощник. Капрал Мак-Кензи неодобрительно посмотрел на плотно закутанных от чужих глаз девиц, нахмурился и, сославшись на занятость, поспешил откланяться.

О красоте стоявших перед детективом и его помощником женщин можно было только догадываться, поскольку лица десяти из них скрывала паранджа, однако облик одиннадцатой жены и впрямь радовал глаз, особенно Раджива.

– Судя по вашей сальвар-камизе, вы из Кашмира? – переходя на хинди, спросил он.

– Да, да! – заметно оживляясь, заговорила женщина. – Меня зовут Амала. Я родом из окрестностей Анантнага. Приятно увидеть в этой далекой стране земляка.

– Я из Пенджаби. Меня зовут Раджив Сингх. Прошу вас, расскажите все, что вам известно о вчерашних событиях.

– Прости, – Стивен тронул руку боевого товарища, – но может ты все-таки начнешь переводить?

– Да, саиб, это мое упущение. Но мы пока что не касались ничего существенного.

– Узнай, говорит ли кто-нибудь из женщин на хинди?

Женщина покачала головой.

– Нет. Остальные канджутки, киргизки и одна узбечка. Ну и я. Меня привезли в Канджут после набега. В ту пору мне едва исполнилось тринадцать лет.

– Вот это удача. Нотариус, помнится, утверждал, что здесь никто не владеет этим языком.

– Мусульманские женщины в любом случае не стали бы говорить с чужим мужчиной, – пояснил Раджив. – А моя землячка, вероятно, не слишком горела желанием разговаривать с англичанами. Извини, Стив, но в наших землях вас не жалуют.

Шейли-Хоупс пожал плечами, будто недоумевая, чем вызвана подобная неприязнь.

– Этого я при всем желании не могу изменить. С тобою-то она говорить будет?

– Пока что, как видишь, разговаривает.

– Спроси, готова ли она помогать следствию.

Выслушав слова Раджива, вдова Алаяр-хана печально вздохнула.

– Не то чтобы я этого хотела, во всяком случае не больше, чем все они, – женщина кивнула на «цветник» хана. – Я не слишком любила господина и потому опечалена его смертью ровно настолько, насколько это положено. Однако было бы неразумно отягощать свою карму ложью.

– Так она готова помогать, или нет?

– Да, – потупив взгляд, кивнула вдова. – Хотя мало что смогу сказать. Я не успела рассмотреть убийцу, потому что в момент нападения я как раз играла на домбре и смотрела на танцующих.

– Но ведь потом вы выскочили из зала на лестницу.

– Откуда вы знаете? – удивилась женщина.

– Это мое предположение. Я был на месте преступления, домбра лежала примерно в полутора шагах от кошмы. Если бы вы просто вскочили от ужаса и выронили музыкальный инструмент, он бы лежал значительно ближе. Вот я и подумал, что вы бросились вслед за душегубом.

– Да, вы правы. Я выскочила из зала, сама толком не знаю почему. Но они так визжали, – Амала кивнула на подруг по несчастью. – Нужно было что-то делать.

– Что вы увидели? Вы же хоть что-то успели увидеть?

– Да, – лицо женщины погрузнело. – Господина переводчика. Кажется, его зовут Искандер.

– Ну-ну, – заторопил Стивен Шейли-Хоупс, – пожалуйста, как можно подробнее, не упуская деталей.

– Даже не знаю, что сказать. Он стоял на лестнице, а увидев меня, быстро закрыл лицо и, должно быть, испугавшись, побежал вниз и выскочил из дома.

– То есть, до этого он стоял к вам лицом? – уточнил Раджив.

– Да. Вернее, он стоял немного боком, опустив глаза вниз.

– О, я вижу, вам удалось разговорить одну из этих туземных куриц? – раздался знакомый голос. Мистер Смит направлялся к ним широкой походкой увенчанного лаврами победителя. За его спиной маячил шотландец с ключами в руках. Перевод слов Амалы, по-видимому, достиг слуха «триумфатора». – Теперь вы сами убедились в том, что я был прав. Найти убийцу оказалось плевым делом и, как я и утверждал, господин лейтенант, это все козни русских.

Стивен Шейли-Хоупс помрачнел, вытащил из кармана синий клетчатый платок, вытер им бритую макушку и спросил, почти шипя:

– Вы можете это доказать, майор?

– Что тут доказывать? Этот туземец не придумал ничего лучшего, нежели с перепугу начать разыскивать российское посольство.

– Это ровно ни о чем не говорит, сэр. Господин Искандер – уроженец Бухары. Бухарский эмират сейчас входит в состав Российской империи. Насколько мне известно, в Лондоне нет посольства Бухары. Куда же еще идти иностранцу, если не в посольство своей страны?

– Что с того? В убийстве прослеживается отчетливый русский след! Ваша свидетельница также подтверждает, что видела переводчика рядом с местом преступления сразу после убийства.

– А перед тем как увидеть господина Искандера, она видела их, – детектив указал на оробевших гурий. – Быть может, их тоже следует обвинить в убийстве?

– Не говорите ерунды!

– Отчего же? – насмешливо ухмыльнулся сыщик. – Уверен, что вдесятером они бы могли поднять Алая-хана и хорошенько приложить его головой об колонну.

– Похоже, сэр, вы симпатизируете русским! – бледнея от негодования, сквозь зубы процедил Керстейн. – Довольно странно для боевого офицера!

– Однако же вполне естественно для человека, у которого в голове больше мозгов, чем в проломленном черепе принца Алаяра. Меня, сэр, пригласили расследовать это дело, чем я и занимаюсь. Вас же послали оказывать мне всяческое содействие. Извольте выполнять приказ! Буде мне понадобится ваш совет, я непременно его спрошу. Можете не сомневаться. Но учтите, майор, если тетя Агата вознамерилась случайного человека назначить виновным в смерти высокого гостя, то у меня есть все основания полагать, что она более не нуждается в моих услугах. Если же она хочет узнать имя истинного убийцы, то позвольте нам с Радживом самим решать, что и как нам делать. Мистер Искандер уже в Оукбридже?

– Да, его только что доставили, – с неохотой откликнулся Сэмюэль Смит, теряя былой тон. – Я как раз пришел сказать об этом.

– Доложить, – поправил его отставной лейтенант.

– Что?

– Вы пришли доложить.

– Так точно, – скривившись от недовольства сказал майор и вытянулся по струнке. – Прошу извинить, сэр!

– Извинения приняты. Благодарю вас за усердную службу. Будьте любезны, проводите господина переводчика в его флигель. Мы подойдем туда как только закончим опрос свидетельниц.

Керстейн молча щелкнул каблуками, по-военному развернулся и, даже спиной выражая бурю негодования и стужу презрения, вышел из залы.

– Больше вы никого не видели? – вернулся к расспросам Шейли-Хоупс.

– Нет.

– Еще один, последний вопрос: как, по-вашему Искандер относился к Алая-хану?

– Мне трудно об этом судить. Жены держались отдельно от прочих слуг. Но, по-моему, Искандер его ненавидел.

– Почему вы так решили?

– Женское чутье. Однажды я услаждала музыкой слух господина и слышала, как он давал секретарю распоряжения.

– И что же?

– Искандер молчал, слушал и смотрел. Так смотрят на кусок мяса, перед тем как его разрезать.

– Благодарю вас, мэ. Вопросов больше не имею. Ступайте по своим комнатам.

Переводчик сидел в мягком кресле, безвольно сгорбившись и положив на колени скованные наручниками запястья. Пара рослых полисменом возвышались над ним словно живые символы неизбежной кары.

– ... Если ты честно во всем признаешься и расскажешь, какое задание тебе дали русские, я обещаю, что замолвлю за тебя слово и наказание не будет чересчур суровым.

– Сэр, – входя в комнату, прервал допрос Стивен Шейли-Хоупс, – благодарю за рвение и усердие, но, полагаю, что в ближайшее время ваша помощь мне не понадобится. Займитесь чем-нибудь полезным. Например, узнайте, сколько кэбов проехало здесь между полуночью и шестью часами утра... или погуляйте в саду.

– Как это понимать? – нахмурился майор.

– Как и все остальное – головой. – Детектив прошел к констеблям и протянул руку: – Ключ от наручников.

– Но-о, сэр, – полисмен неуверенно взглянул на Керстейна.

– Снимите оковы, – с неохотой буркнул тот.

– Благодарю вас, – хищно улыбнувшись, бросил через плечо детектив. – А теперь, если считать кэбы ниже вашего достоинства, а прогулка вас не прельщает, окажите любезность: возьмите этих молодцов и прокатитесь по округе, узнайте у местных жителей, не видели ли они поблизости китайцев.

– Китайцев? – переспросил Сэм Смит.

– У меня плохо с дикцией или у вас со слухом? – Обернувшись к «помощнику нотариуса» рявкнул отставной лейтенант. – Выполнять!

– Есть, сэр! – нехотя вытянулся майор и, кивнув сопровождающим, вышел из кабинета.

– Отчего ты вдруг решил, что к этому делу причастны китайцы? – с удивлением спросил Раджив. – Я что-то пропустил?

– Я буду крайне удивлен, если они к этому причастны. Я бы не дал за эту версию и дырявый пенни. Но как-то же мне нужно было избавиться от этого въедливого дурака. Во всяком случае, он будет занят делом и не сможет навредить. А, кроме того, – Стивен усмехнулся, – еще там, в Индии, мне чертовски хотелось что-нибудь вот этак скомандовать майору, чтобы он вытянулся и побежал исполнять мой приказ. Так что, не будь китайцев, миляга Керстейн отправился бы сейчас проверять, не видел ли кто поблизости огнедышащих драконов.

А теперь, – сказал он посмотрел на тщедушного переводчика, разминающего запястья, – поговорим о вас.

– Плохого следователя сменяет хороший? – на безукоризненном английском поинтересовался тот.

– У вас отличное произношение, – не отвечая на вопрос, констатировал сыщик. – Вы долго жили в Англии?

– Да, я изучал древние языки в Бирмингеме. Я, увы, последний представитель нашей ветви древнего и некогда могущественного рода Караханидов. Отец был щедр и оплатил мою учебу.

– Если не ошибаюсь, – вклинился в разговор помощник детектива, – Караханиды до недавних пор правили в Термезе.

– Да, но я вырос в Бухаре у дяди, служившего в свите эмира.

– Ваш отец участвовал в недавнем восстании Исхак-хана?

– Да, – печально вздохнул Искандер.

– Он погиб там?

– Увы, да.

– Пчак, который мы нашли в этой комнате, принадлежал ему? – спросил Шейли-Хоупс.

– Да, раньше это было его оружие, – не спуская внимательных глаз с детектива, подтвердил последний из Караханидов.

– Ик смерти вашего отца причастен Алаяр-хан?

– Это было его рук дело. Отец попал в засаду канджутцев и, к несчастью, угодил в плен живым. Мне не хочется ни говорить, ни даже вспоминать, что сделали с ним эти выродки шайтана. Пчак мне передал один из немногих выживших в той схватке. Я поклялся, что перережу им горло гнусному помету иблиса, звавшемуся Алаяр-ханом.

В то время я изучал древние рукописи, привезенные Наполеоном из Египта, и, как можно догадаться, жил в Париже. Как только до меня дошла эта печальная новость, я бросил ученые занятия, вернулся в Бухару и начал искать способ подобраться к Алаяр-хану. Аллах благоволил мне, и вскоре я узнал, что в Канджуте срочно нужен грамотный человек, владеющий языками и хорошо знающий повадки англичан. Простите, сэр, но это звучало именно так. Я назвался фамилией своего слуги и с его паспортом нанялся на службу. Однако, к моему стыду, должен признать, у меня не хватило решимости зарезать этого мерзавца. Так что хотите, верьте, хотите, нет, но я не убивал его.

– Это было понятно еще до того, как вас доставили сюда, – проговорил Раджив. – Однако, как вы сами понимаете, факты складываются не лучшим для вас образом. Смит уверен, что вы работаете на русских, Амала видела вас сразу после убийства на лестнице.

– Яи впрямь там был. Как раз шел на зов Алаяр-хана, досадуя, что снова не взял с собой отцовский пчак. Мои пальцы просто отказывались сгибаться на рукояти ножа, когда я намеревался убить этого мерзавца. Конечно, в рукопашной схватке мне было не одолеть это порождение гиены и шакала, но он любил курить опиум на ночь глядя, так что ближе к полуночи он обычно уже лежал бревно бревном. Но у меня все равно не хватило духу перерезать ему горло. Я шел, досадуя на себя. Вдруг сверху раздался оглушительный визг. От неожиданности я выронил четки. Дверь распахнулась, кто-то выскочил, но я не увидел кто, поскольку начал в полутьме искать четки. Затем появилась Амала. Впрочем, я не знал их по именам, но, если вы ее так называете, вероятно, это она и была.

– Почему вы решили, что кто-то выскочил до нее?

– Мне так показалось. Между открытием двери и появлением Амалы прошло какое-то время. – Он замялся. – Это произошло не сразу. Она выскочила, закричала, не помню что. То ли «убит», то ли «убийца». Я испугался и бросился наутек. Но больше всего меня огорчало то, что я не причастен к смерти этого кровавого ублюдка. Такова правда, я клянусь в истинности каждого слова пред лицом Аллаха милостивого и милосердного. Однако если вам нужен виновный... – Искандер молча развел руками.

– Мы знаем, что вы не причастны к убийству. Остается только доказать это.

– Кто может подтвердить мои слова? Пожалуй, лишь сам Алаяр-хан, – горестно усмехнулся караханид. – Но он мертв.

– Пожалуй, он слишком буйный для мертвеца, – задумчиво проговорил Раджив. – Но, может быть, это и к лучшему.

– Господа, – отставной капрал Мак-Кензи шел по аллее с граблями на плече и махал рукой, стараясь привлечь внимание гуляющих вокруг особняка сыщиков, – мистер Смит велел разыскать вас. Он приехал злой, как целый рой ос.

– Он что, не сумел найти ни одного китайца? – поинтересовался Стивен Шейли-Хоупс.

– Прошу извинить, об этом мне ничего не известно. Но он считает, что вы держите его за дурака.

– Что ж, если Смит пришел к данному умозаключению, значит он вовсе не так глуп, как кажется. Следовательно, несмотря на очевидную истинность его предположения, оно де-факто ошибочно.

Несколько огорошенный подобными словами, МакКензи часто заморгал рыжими, как огонь, ресницами и выдавил:

– Он велел сказать, что ждет вас в экипаже.

– Благодарю вас за информацию. Пусть там и дожидается. Во всяком случае, можно будет не опасаться его активности.

– Будут ли распоряжения относительно переводчика?

– Распорядитесь доставить ему обед. И если уж мистер Смит притащил сюда обоих констеблей, пусть поставит их у дверей покоев нашего главного подозреваемого. И без моего разрешения никого к нему не пускают.

– Есть, сэр! – браво отчеканил хайлендер и бросился выполнять приказ.

– Он что, остается главным подозреваемым? – ничего не понимая, спросил Раджив.

– Нет, однако, пусть бобби хорошенько его стерегут, так будет лучше для всех.

Майор Керстейн прохаживался рядом с кэбом, беспрестанно покусывая длинную кубинскую сигару.

– Вы издеваетесь? – увидев Стивена и его напарника, спросил он. – Я жду вас битый час!

– Вовсе нет. Мы прорабатывали версию с китайским следом. Насколько мне известно, вы прекрасно и, более того, стремительно справились с поставленной задачей. Нашли китайцев? Учтите, они чрезвычайно хитры и могут выдавать себя за японцев и корейцев! Вы не забыли их тоже проверить?

– Я буду вынужден доложить шефу о ваших методах расследования, – отчеканил «помощник нотариуса».

– Да, непременно. И обязательно передайте ему, что завтра нам понадобятся пятьдесят шесть крепких полисменов, а лучше даже шестьдесят.

Глаза сотрудника тайной службы Форин-офиса сами собой полезли на лоб.

– Это еще зачем?

– Выполняйте приказ, – решительно отчеканил Шейли-Хоупс. – А сейчас, мистер Смит, прикажите сержанту Эшли отвезти нас в цирк Барнума и Бэйли. Чему вы так удивились? Можете не волноваться, слон Джамбо нам не понадобится. Давайте, давайте, поторопитесь!

Майор Керстейн скривился, будто обнаружил, что любимый кот Ее Величества обновил его парадные туфли, но поспешил выполнить непонятный приказ.

– Ну что? – примирительно кивая на оставленных полисменов, спросил он, плотно закрывая дверцу кэба. – Теперь-то вы поняли, что во всем виноват переводчик?

– Отнюдь нет, – глядя на плечистых бобби, покачал головой детектив. – Просто я хочу, чтобы завтра, когда Искандер нам понадобится, он был жив и здоров. Так что потрудитесь, сэр, приехав в Лондон, прислать еще пару человек для его охраны.

Глаза Сэма Смита резко сузились. Он явно подозревал, что отставной лейтенант, пользуясь ситуацией, просто глумится над старшим по званию.

– Вы это серьезно?

– Да уж куда серьезнее. И еще к завтрашнему утру мне понадобится команда плотников. Лучше всего корабельных, они умеют работать быстро.

* * *

В тот день посетители цирка Барнума с большим разочарованием увидели на дверях «Замка иллюзий» табличку «Закрето». А если бы они могли проникнуть взором сквозь двери увеселительного заведения, то с удивлением бы обнаружили, что большая часть кривых зеркал, составлявших диковинные хитросплетения отражений внутри замка, исчезли со своих мест. Однако еще больше они бы удивились, узнав, что зеркала находятся неподалеку от Лондона,

в поместье Оукбридж, принадлежащем столь почтенной и серьезной организации, как Форин-офис.

К тому моменту, когда кэб вернул мистера Шейли-Хоупса и его помощника к месту преступления, там уже всю кипела работа. Корабельные плотники собирали деревянные конструкции по нарисованному для них образцу, устанавливали в специально заготовленные рамы короба, собирали диковинные механизмы, весьма похожие на средневековые метательные орудия, а затем расставляли их вокруг дома, аккуратно напротив окон.

Возле импровизированных катапульти в ожидании приказа переминались с ноги на ногу растерянные полисмены. Неподалеку бродил Мак-Кензи, который опасливо поглядывал на собравшихся и недовольно бубнил, что этакая орава непременно вытопчет газоны и вообще разнесет усадьбу, как вражеский редут. Завидев сыщиков, он разгневанно бросился к ним:

– Что это вы такое задумали, джентльмены?

– Не стоит шуметь, капрал. Мы же все тут заинтересованы в установлении истины, не так ли?

– Я обязан следить за этой усадьбой и беречь ее от разрушения. Вот моя истина. – Мак-Кензи поднял к небесам указательный палец.

– Только в этом? – усмехнулся Раджив. – Жаль. Вчера вы проявляли куда больше рвения. И не только рвения, но и истинной ловкости. Признаться, меня восхитил тот вчерашний бросок, когда вы подхватили кадку с пальмой и, как ни в чем не бывало...

– Ерунда, – заметно добрея, отмахнулся бывший капрал. – У нас, шотландцев, подобные броски – одно из любимых развлечений по праздникам. Метание бревен на дальность. Так они и потяжелее будут. В полку хайлендеров я пять лет был самым лучшим.

– Весьма почтенно, – склонил голову Раджив.

– Благодарю. Но, может, вы все же потрудитесь объяснить мне, что здесь происходит?

– Видите ли, почтеннейший мистер Мак-Кензи, мы намереемся допросить жертву преступления. А у него, как вам известно, на редкость паршивый нрав.

– Но-о... он же мертв, – оторопело напомнил шотландец.

– Однако это не мешает ему демонстрировать весьма заметную активность. О, а вот и Искандер. Сэр, надеюсь, вас не затруднит перевести вашему бывшему хозяину наши вопросы?

– Но-о...

– Сэр, просто выполните свою работу, – жестко пресек возражения Шейли-Хоупс.

– Как скажете, – неуверенно согласился переводчик. – Хотя это очень страшно и странно.

– Уже сказал. А пока дышите свежим воздухом. Он здесь чистый и душистый, не то что в Лондоне.

Раджив внимательно смотрел на Стивена Шейли-Хоупса, который энергично объяснял полисменам их задачу. Чуть поодаль, недовольно поджав губы, стоял майор Керстейн, всем своим видом недвусмысленно выражавший негодование и категорическое несогласие с происходящим. Наконец, удостоверившись, что все должным образом уяснили задачу, детектив взглянул на часы, сверяясь со временем начала очередного намаза, и скомандовал:

– Начали!

Дюжие полисмены, взявшись за тросы, сорвали с окон ставни и вслед за этим выбили стопорящие клинья импровизированных «катапульти». Те взметнули вверх короба с кривыми зеркалами, и стеклянное великолепие «Замка иллюзий» моментально встало на место ставень, полностью закрыв оконные проемы. В доме раздался отчаянный негодующий вопль.

– Что здесь происходит? – поинтересовался ошарашенный Сэм Смит.

– Видите ли, майор, – насмешливо ответил детектив, подходя к офицеру секретной службы, – призраки, в отличие от вампиров, прекрасно видят свое отображение в зеркале.

Впрочем, и вампиры отражаются, если на зеркале нет серебряной амальгамы. Я этот нюанс специально уточнил.

Он поманил к себе переводчика.

– И что все это значит? – не унимался представитель тайной службы.

– Очень многое, сэр. Я не знаю, видел ли когда-нибудь Алаяр-хан зеркало, но вряд ли ему доводилось видеть кривые зеркала. Так что сейчас его атакует почти три десятка монстров, от которых невозможно скрыться. Подобраться к ним тоже нельзя – перед каждым зеркалом стоит освященный крест. Так что мы – его единственная надежда на избавление от этой нечисти.

– Мистер Искандер, будьте любезны, сообщите Его Высочеству, что то мы спасем его от шайтанов, если он поможет нам установить убийцу и его мотивы.

– По-вашему, это сработает? – спросил Раджива капрал Мак-Кензи, наблюдавший за диковинной «артподготовкой».

– Должно сработать.

– Чудное дело, – сказал отставной капрал, не сводя глаз со здания. – Вы позволите мне удалиться? Следует распорядиться о ланче для вас и полисменов.

– Чуть позже, господин Мак-Кензи. – покачал головой сикх. – Мне нужны будут ваши консультации.

– Как скажете, – с неохотой ответил ветеран. – Но как же ланч...

Вопрос остался без ответа.

Между тем голос говорившего в рупор Искандера стих и тут же из дома донеслась гулкая, словно он говорил в пустую бочку, речь Алаяр-хана.

– Он согласен нам помочь, – начал переводить Искандер. – Но говорит, что не уйдет из дома, покуда не получит кровавого отмщения. Он жаждет видеть, как убийце отпилят голову и выпустят наружу кишки.

– Вот еще. Что за нелепое варварство, – надменно расправляя плечи, сказал Сэм Смит. – Кто бы ни был убийца, он подлежит британскому суду.

– Я просто перевожу, – напомнил Искандер.

– Пусть опишет момент своей смерти, – перебил их распри Стивен Шейли-Хоупс.

– Я плыл в облаках, услаждая слух божественной музыкой, а взор – танцем гурий, как вдруг огонь подхватил меня, будто пушинку, и швырнул на скалы, лишая жизни и лишая права вознестись к престолу Аллаха, ибо преступил я закон в смертный час и не избыл вину свою в последний миг.

– По-вашему, этот бред может нам чем-нибудь помочь? – скривил губы майор.

– Конечно. – Детектив мельком взглянул на стоявшего в сторонке помощника и чуть заметно кивнул ему.

– Так вот, – вкрадчиво сказал тот, обращаясь к хайлендеру, – я еще вчера хотел спросить, не желаете ли добровольно признаться в убийстве?

– Я?! Но-о с чего вы взяли? Будто я...

– Капрал, у вас осталось очень мало времени, поскольку Искандер вот-вот закончит переводить поэтический бред призрака на безукоризненный английский. Я специально не дал вам уйти, чтоб вы его послушали, а я на вас посмотрел.

– И что же вы увидели? – тяжело вздыхая поинтересовался Мак-Кензи.

– Все, что хотел увидеть. На самом деле, несмотря на кажущуюся бессмысленность показаний Алаяр-хана, он все описал довольно точно. Когда вы напали на него, он курил опиум, совершая, с точки зрения Корана, большой грех, ибо Пророк запретил правоверным использовать одурманивающие вещества. Тем не менее он плыл в облаках, любясь своим «цветником» и слушая милую сердцу музыку. Замечу, его сердцу милую. Вам, как я вижу, такая музыка не по вкусу. Так ведь? Можете не отвечать, гримаса на вашем лице говорит сама за себя.

– В этом вы правы, сэр, – через силу буркнул шотландец.

– А еще говорят, что волынщики не имеют слуха, и им все равно, что звучит вокруг. Вы ведь служили волынщиком, не так ли?

– Было дело. Хотя и не ведаю, как вы про это узнали. – Старый вояка негодуя сжал кулаки. – Но должен вам сказать, что подобные рассказы о нас – гнусный поклеп!

– Судя по вашей реакции, мое предположение верно. Это было нетрудно подметить: вы имеете обыкновение перед выдохом надувать щеки, как это делают волынщики. Это и навело меня на мысль о вашей профессии в армии. В целом же я вполне разделяю ваше негодование, – согласился Раджив. – Но в остальном... Огонь, который подхватил Алаяр-хана и бросил его на скалы, – это вы. Не так ли? Именно ваши рыжие бакенбарды и шевелюра вселили в его расстроенное наркотиком сознание образ огня. Остальное вы поняли не хуже меня. Если желаете, могу рассказать, что было дальше.

– Сделайте милость, – бледнея, проговорил хайлендер.

– Расправившись с ханом, вы вспомнились и бросились вон из зала. Но именно в этот момент в здание вошел Искандер. Однако у вас было преимущество: лестница расположена таким образом, чтобы обороняющийся на верхней площадке мог видеть входящего и целиться в него, а тот – нет. Так что там, на лестнице, вы моментально оценили позицию и приняли верное решение.

Путь к выходу был отрезан, однако ничто не мешало подняться этажом выше, а затем, пропустив в залу переводчика, незаметно выскочить из дома. Однако мистер Искандер не стал заходить внутрь и, увы, не видел вас. От женского крика и визга молодой человек выронил драгоценные четки и искал их на полутемной лестнице. Но он слышал, что кто-то выскочил из зала до того, как на лестнице появилась Амала. Быстро сообразив, чем лично ему грозит смерть высокого гостя, он бросился наутек, не слишком, впрочем, отдавая себе отчет в том, куда и зачем бежит. Он, как вы сами могли заметить, человек отнюдь не храброго десятка. В свою очередь вы своевременно пришли «на помощь» и, как положено ревностному служаке, вызвали офицеров тайной службы. Я в чем-то ошибся?

– Никак нет. Так все и было, сэр, – с нескрываемым уважением пробасил хайлендер. – Но, клянусь, я был доведен до крайности. Эта музыка не смолкала ни на минуту, а гнусные завывания довели меня до белого каления!

– Охотно верю.

– Ну что, переговоры? – спросил Стивен Шейли-Хоупс, подходя к Радживу. – Я пока спровадил майора распорядиться о транспорте и вернуть зеркала в «Замок иллюзий». Думаю, капрал, вам лучше признаться до того, как он вернется.

– И что меня ждет? – пригорюнился ветеран. – Я же верой и правдой... Я был трижды ранен! Однажды в Афганистане мне пришлось отлеживаться в пересохшем арыке, полном сколопендр и скорпионов, а такие вот дьявольские завывания разрывали мою несчастную голову так, что я сам готов был разбить ее о камни. Поверьте, если бы не стрелки полковника Тротена, которые отыскивали меня, уже чуть живого, без сознания, я бы, верно, так и сделал. Прости меня, господи, за такие мысли! А этот мерзавец приехал сюда, в мой дом, и сразу начал изводить меня. Я не хотел, право слово, не хотел.

– Охотно верю. Более того, я уверен, что если заставить присяжных в течение хотя бы нескольких часов слушать эту музыку, они сочтут, что вы действовали в рамках необходимой обороны и потому невиновны. Вот только принимать какие бы то ни было решения не в моей компетенции. Но рекомендую сознаться добровольно. Я расскажу, как лучше написать заявление о явке с повинной. Полагаю, у Форин-офиса найдется достаточно причин не афишировать столь пикантное происшествие, и ваше наказание не будет чересчур суровым.

– Тем более, что необходимо еще избавить Британию от призрака, который и при жизни имел гнусный характер, а после смерти вообще пошел в разнос, – напомнил индус, снова придавая лицу почтительное выражение. – И только вы можете помочь в этом.

– Я-то с радостью. Только скажите как?

– Ваша волынка при вас?

– Да, лежит у меня в комнате.

– Тогда поспешите за ней.

– К следующему намазу, капрал, – пустился в разъяснения Шейли-Хоупс, – возьми ее и приходи сюда играть. И еще, напиши-ка всем известным тебе волынщикам, чтобы они приехали сюда как можно скорее. Вам надлежит играть тут без остановки девять дней. Это обязательно должно сработать! Ишь, как его скрючило от девонширского марша! Так что уж вы постарайтесь.

– Есть, сэр, играть девять дней без остановки! – расправил плечи отставной капрал.

– Действуй!

* * *

За окнами дома на Бейкер-стрит гомонил прохожий люд, выкрикивали новости газетчики, а кэбмены свистом предупреждали зевак о приближении экипажа.

Стивен Шейли-Хоупс прикрыл окно, подошел к столу, ловко откупорил бутылку виски «Хайленд-парк» и разлил его по стаканам.

– Угощайся, Радж. Подарок от Шотландской лиги волынщиков.

– Недурно, весьма недурно, – чуть пригубив из стакана, кивнул Раджив. – Интересно, как тетя Агата решит участь бедолаги Мак-Кензи и целого выводка безутешных вдов?

– Затрудняюсь ответить. Как ты знаешь, я настоял на том, чтобы мистер Смит лично доставил беднягу Искандера к воротам российского посольства. А что ждет его там, мы никогда не узнаем. Что же касается Амалы и ее подруг... – Сыщик кивнул на лежавшую на кресле газету. – Вот свежий номер «Таймс». Там черным по бумажному напечатано, что на борту клипера «Тристан», направляющегося в Нью-Йорк и прибывшего вечером в порт Дувра, умер от болотной лихорадки принц Канджута Алаяр-хан. Следовавшие вместе с ним жены будут отправлены на родину после соблюдения всех подобающих траурных церемоний. Так что формально наказывать нашего меломана не за что. Он уж точно не заражал принца болотной лихорадкой.

Внизу тяжелый бронзовый молоток ударил в звонкий чеканный гонг, призывая хозяина открыть входную дверь.

– Похоже, у нас клиенты, – сказал Стивен Шейли-Хоупс, выразительно взглянув на Раджива.

Тот молча встал, застегнул пуговицы на кителе и, придав лицу уважительно-отсутствующий вид, спустился вниз по лестнице. Его не было всего пару минут, а когда обыкновенно невозмутимый сикх снова появился в кабинете, на его губах играла широкая улыбка.

– Сэр, прибыл капрал Мак-Кензи.

– Легко на помине. Чего же он хочет?

– Он просит замолвить слово перед тетей Агатой, чтобы та позволила волынщикам и далее играть в Оукбридже.

– Думаю, мы сможем убедить мою покойную родственницу продлить этот фестиваль до сорока дней, – ухмыльнулся частный детектив. В тот же миг в воздухе с громким хлопком материализовалась пара ладоней, запястья которых были прикрыты рукавами морского офицерского кителя, украшенного коммодорским золотым шитьем.

– Коммодор Улфхерст?! – вскочил с места Стивен Шейли-Хоупс и, словно не веря своим глазам, оглянулся на старого приятеля, но тот сам стоял, разинув рот от изумления.

Вы правы, мой друг, как всегда правы, – сказала появившаяся в воздухе голова. – Поставьте-ка виски поближе, хочу вдохнуть его аромат. Превосходный «Хайленд-парк»! Жаль, не могу отхлебнуть. Но я не о том. У меня есть для вас отличный клиент!

Сундук мертвеца

Седоватые бакенбарды коммодора Улфхерста на одиноко парящей в воздухе голове шевелились от дуновения загробного ветра и напоминали паруса линейного корабля эпохи наполеоновских войн. Голова призрака, неспешно, словно покачиваясь на волнах, перемещалась по комнате, занимаемой детективным агентством Стивена Шейли-Хоупса, эсквайра. Будь в распоряжении бывшего морского волка весь изначально задуманный Всевышним комплект рук и ног, он бы просто расхаживал по гостиной, однако после своей смерти коммодору, похоже, так и не удалось собрать воедино все части тела. Вооруженная шпагой рука или нога в тяжелом сапоге то исчезали, то появлялись и действовали сами по себе, отдельно от вышеуказанной головы, однако явно исполняя ее волю.

Не ожидавший появления гостя, сыщик залпом осушил стакан подаренного ему благодарным посетителем виски и уставился на разгуливающего по комнате призрака.

– Налей-ка еще, лейтенант! – потребовал коммодор Улфхерст. – Очень уж он у тебя ароматный.

– Как прикажете, сэр! – ответил Стивен Шейли-Хоупс и снова наполнил стакан.

– Так-то лучше, – кивнула голова и, вдохнув запах благородного напитка, зажмурилась от удовольствия. – Что ж, к делу! Как уже было сказано, у меня для вас есть замечательный клиент. И скоро он будет здесь!

– Будет ли мне позволено спросить? – подал голос Раджив, который, как обычно, играл на людях роль преданного слуги. – Он тоже призрак?

– Да, сержант Сингх. С недавних пор призраки стали моими основными собеседниками. Благо в Лондоне и его окрестностях их пруд пруди. Встречаются чрезвычайно занятные... Но этот! – коммодор закатил глаза и цокнул языком. – Впрочем, скоро увидите.

– А если я откажусь? – тихо поинтересовался сыщик.

– Чушь! – резко отозвался призрак. – Ты должен взяться за это дело! Я же тебя не прошу кого-либо прикончить, а уж тем более оживить! Не требую чего-то противозаконного, бесчестного или, упаси боже, идущего во вред Британии и королеве! Напротив, все для блага Отечества! При этом ты займешься своим любимым делом и, как положено, получишь за это хорошее вознаграждение. Кстати, сколько стоят вот эти две меблированные спальни, гостиная и пансион для двух джентльменов?

– Сто семьдесят фунтов в год плюс страховой взнос, – удивленно отозвался сыщик.

– Вот и отлично, – кивнула отсеченная голова. – Слово офицера, если ты возьмешься за предлагаемое мной дело, лейтенант, то до конца своих дней больше не будешь думать об оплате жилья. Даже если проживешь здесь до ста двадцати лет.

– Занятное предложение, – усмехнулся Стивен Шейли-Хоупс и вдруг, скривившись, прислушался. – Раджив, слышишь скрип и лягз? Кажется, эти паршивцы опять разрисовывают нашу вывеску! Где-то у меня была пара гнилых помидоров! – сказал детектив и стремительно выскочил из комнаты.

Раджив Сингх молча подошел к недавно отмытому от уличной грязи окну и внимательно посмотрел на отражение в витрине магазинчика корсетницы Жанны Хатлак и модистки Кейт Берри в доме напротив.

– Нет, сайб, их там нет... – начал было говорить бывший сержант Девонширского полка, но вдруг запнулся и сдавленным голосом выдавил: – Стив, ты должен это видеть!

– Что там еще?! – недовольно отозвался отставной лейтенант, возвращаясь в комнату с парой изрядно подгнивших помидоров в руках. – Кого там черти несут?..

В ответ послышался довольно задорный, но все же жутковатый хохот. Когда он прекратился, в комнате раздалось насмешливое:

– Уже принесли!

Посреди гостиной, ухмыляясь, стоял призрак невысокого джентльмена в парадных доспехах работы мастера Филиппа Негроли. Шлем его напоминал голову распахнувшего пасть дракона. Еще одно крылатое чудовище извергало золотое пламя с его нагрудника. Одной лапой ужасающая тварь сокрушала башню замка, а другой – сжимала перепуганного льва. Шею призрака плотно обхватывал безупречно накрахмаленный жесткий кружевной воротник, именовавшийся уже сотни лет как умершими шутниками «блюдом святого Иоанна». Усы и острая борода неизвестного придавали его полупрозрачному лицу пусть и довольно привлекательный, но все же чрезвычайно хищный вид. На боку нового посетителя висела отменная боевая шпага, а подмышками он держал темные, но, кажется, все же не чугунные ядра, прикованные длинной цепью к лодыжкам.

– Прошу извинить, милорд, – разглядывая незваного гостя, сказал детектив. – Вы так неожиданно появились... С кем имею честь?

– Сэр Френсис Дрейк! – громогласно отрекомендовал знакомого коммодор Ульфхерст. – Собственной персоной. Располагайтесь поудобней, мой адмирал. Положите свои ядра. Тут их точно никто не стащит. – Одиноко парящая голова расхохоталась собственной шутке.

– Я был бы и не против, чтобы стащили! – хмыкнул старый пират. – Вот только как?! Идиоты из команды флагмана, хороня драгоценного меня в океанской пучине, решили приковать два серебряных ядра, чтобы я не бедствовал на дне. Восемьдесят фунтов чистейшего серебра! Спасибо, удружили! Ублюдочные язычники, брашпиль им в корму! Зато теперь никто не скажет, что я привязан к земным богатствам – як ним прикован!

– Мой адмирал, посоветуйтесь с этими парнями, они сообразительные шельмы. Может что-нибудь и придумают.

– Это и есть ваша проблема, милорд? – негромко поинтересовался Стивен.

– В другой раз! – Дрейк положил ядра на пол и уселся в то самое кресло, в котором совсем недавно восседал Шейли-Хоупс. – Сейчас есть дела поважнее.

– Прошу извинить, одно мгновение! – детектив скрылся за дверью и появился уже без помидоров. – Итак, чем могу служить?

– Ульфхерст сказал, что вы офицер, – не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал призрак королевского пирата.

– Это правда. Лейтенант в отставке.

– К чертям отставку! Именем королевы, вы снова в строю!

– Простите, – тихо произнес Раджив. – Какой королевы?

– Проклятье! Королевы Елизаветы! Великой королевы Елизаветы! – гневно сдвинул брови адмирал. – Лейтенант, приструните своего денщика! Как он смеет вмешиваться в разговор джентльменов?!

– Он мой друг и соратник, милорд, – ответил Стивен, расправляя плечи, словно держа ответ перед живым адмиралом. – Я обязан ему жизнью! И я настоятельно прошу это учитывать, сэр!

Призрак Дрейка скривил губы и смерил Раджива долгим изучающим взглядом.

– Ладно, к дьяволу! В конце концов, почему в друзьях у человека могут быть собаки и не могут быть туземцы?! У меня не так много времени. К делу! Необходимо изловить и обезвредить одного призрака. И как можно быстрее.

– Осмелюсь узнать, кого именно?

– Некого Джорджа де Стикса, колдуна, изменника и убийцы.

– Рекомендации так себе, – усмехнулся детектив. – Полагаю, после смерти он не обрел добрый нрав.

– Уж точно, не обрел! – Дрейк самодовольно оскалился. – В великом плаванье он считался камердинером одного из моих помощников, Томаса Доути. Когда флотилия ее величе-

ства отправилась к берегам Нового Света, он тихо начал строить козни, желая погубить меня и всех нас. Прислугой де Стикс был лишь для отвода глаз. Я в самом начале заметил, что этот красавчик совершенно неумелый слуга. Но подумал, что Доути взял его не для этого, плюнул и даже не смотрел в его сторону. Как выяснилось, зря!

Де Стикс был гнусный колдун и чернокнижник. Этого мерзкого человечешку поддерживали некоторые вельможи при дворе, они-то и устроили Джорджа на службу к капитану Доути. Гнусные твари, подлые мятежники, тайно искали мира с Испанией и были готовы пожертвовать всей эскадрой, чтобы добиться своей цели. На счастье, мне вовремя удалось раскрыть заговор де Стикса. Тот коварно сумел околдовать Доути и склонить его к мятежу! Но главное, у чародея имелся сундук, в котором были заперты изловленные им бури, шторма и прочие ураганы. По ночам он тайно выпускал их на волю. Среди ясного безоблачного неба вдруг налетал шквал, который рвал паруса и гнал наши корабли прямо на мощный испанский флот, с самого начала поджидавший нас у дальних берегов. Этот скотий цепень хотел передать нас, обессиленных и разбитых, в руки врага. Однако он просчитался!

Я был начеку! Мятежников схватили и предали суду. Я был отправителем королевского правосудия в том походе и потому твердой рукой пресек заговор. Бедолагу Доути пришлось обезглавить, но главной занозой в заднице все же был не он, а де Стикс! Казнить его оказалось чрезвычайно непростым делом. Ни клинок, ни пуля ублюдка не брали – дьявол щедро расплатился с колдуном за продажу его никчемной душонки. Тогда я запер его в канатный ящик и держал там в кандалах, без питья и еды, пока он не сдох! Признаюсь, это была веселая забава слушать его вопли и стоны. А в тот момент, когда чертов выродок уже был при смерти, я, как полагаются, взял бутылку от виски и запечатал в нее последний выдох колдуна...

– Можно узнать, зачем? – поинтересовался детектив.

– Коммодор, ты куда, черт возьми, меня привел?! – Дрейк зыркнул на парящую над рюмкой виски голову. – Да последнему юнге известно, что если не запечатать последний выдох чародея, то коварный дух его будет витать поблизости, ища, в кого вселиться! Стоит дать слабину, помянуть черта, и ты сам не заметишь, как он начнет заправлять твой башкой.

– Ну да, ну да, конечно, – закивал сыщик. – Вы запечатали его в бутылку от виски?

– Сначала я опустошил ее, потом загнал туда дух чародея, запечатал сургучом, скрепил своей печатью и вышвырнул за борт. Как сейчас помню, это было в одном дне плавания от устья Ла-Платы.

– Что ж, история довольно занятная. Но чем мы вам можем помочь, адмирал?

– В прошлом году, в день Всех Святых, мне показалось, что я видел призрак де Стикса здесь, в Лондоне. Я сперва даже не узнал его, только потом... – Дрейк умолк и зазвенел цепями.

– Что же произошло потом? – спросил детектив.

– Мой потомок Рэнди сошел с ума, а затем покончил с собой.

– Увы, мы живем в непростое время...

– К черту время! Оно всегда непростое. Тем более для меня его больше нет. Мой потомок недавно занимал пост министра по делам Индии, а затем был назначен казначеем в Палату Лордов! Он был здоров, как буйвол. У него была прекрасная жена, увы, теперь вдова; сын – гусарский офицер, и все было отлично! На зависть прочим! Ни одного повода для суицида.

– Может, долги?

– Ерунда! Он не испытывал недостатка в деньгах, а его жена – и подавно, она дочь крупнейшего американского банкира.

– Тайная любовь?

– Что за бред?! Ни один Спенсер не стал бы даже насморком болеть по столь нелепому поводу. Мои потомки, как и положено достойным мужчинам, любят женщин, но не станут пускать из-за них пулю в голову. Нет, Рэнди был не из таких. Я уверен тут, не обошлось без козней де Стикса!

- Простите, милорд, – тихо вмешался Раджив, – речь идет о Рэндольфе Спенсере?!
- О нем самом! – ответил Дрейк и закинул ногу на ногу. – Это мой потомок.
- Насколько я понимаю, теперь мы должны найти и, как бы это выразиться, обезвредить привидение колдуна? – уточнил Стив.
- Именно так, лейтенант! Уверен, после Рэнди мерзавец примется за его сына Ленарда.
- Того самого гусара?
- Да, за него. Но тут следует учитывать один момент – он не просто так пытается извести мою родню. Хотя и это, уверен, есть в его планах. Наверняка де Стикс пытается отыскать свой проклятый сундук!
- А вы знаете, где он? – поинтересовался Шейли-Хоупс.
- С чего вдруг?! После смерти этого негодяя все пожитки его были разделены между членами команды. Но, ясное дело, бумаги и сундук, как улики, не подлежали дележке. А вот ключ – большой, золоченый, с головкой из резного черного оникса – по жребию достался моему племяннику Томасу. По окончании плавания я был слишком занят, чтобы проверять, куда что отправили. В ту пору ее величество постоянно желала меня видеть. Если память мне не изменяет, все вещественные доказательства, относившееся к мятежу Доути, на время разбирательства для пушей сохранности отвезли в Тауэр. Я не интересовался, что стало с ними дальше. Полагаю, никто не отпирал сундук с той поры – иначе яростное наследство де Стикса попросту смело бы Англию с островов, как хлебные крошки со стола.
- Вдалеке гулко ударил колокол «Большой Пол».
- Смена вахты, – пробормотал адмирал. – Мне пора торопиться. Вы беретесь за дело?
- Прошу извинить за, быть может, неуместный вопрос, но разве призраку не проще изловить призрака? – спросил Шейли-Хоупс.
- Де Стикс будет избегать встречи со мной до тех пор, пока не наберет полную силу. А кроме того, если я примусь его разыскивать – кто будет хранить флот ее величества?! В любом случае, вы легко найдете меня на линкоре «Роял Оук»! – скороговоркой выпалил призрак адмирала и, лязгнув цепями, исчез, однако тяжелые ядра остались лежать на столе. Мгновение спустя цепи резко натянулись и в гостиную послышалось едва различимое ругательство: «Проклятье!». Дрейк на мгновение снова материализовался, подхватил забытую ношу и тут же растворился в воздухе.
- Ну что, беретесь? – поинтересовался коммодор Улфхерст.
- Занятое дело. – Стивен достал из кармана клетчатый платок, вытер им аккуратно выбритую голову и посмотрел на напарника. – Возьмемся?
- В прежние времена лорд Рэндольф был добр к моему отцу, – задумчиво проговорил тот. – Объяснения адмирала звучат несколько странно, но дело интересное...
- Я знал, что вам понравится, – лицо Улфхерста расплылось в улыбке.
- Но давайте по порядку, – продолжил Раджив. – Каким образом призрак замороженного голодом чародея добрался до Британии?
- Какая разница?! – бакенбарды коммодора вновь раздулись, как парус. – Впрочем, это самый простой вопрос. У меня есть несколько вариантов ответа. Бутыль могло принести к нашим берегам Гольфстримом. Это такое морское течение. Во времена адмирала о нем не знали. Ее могли выловить сетями и, обнаружив печать со звездами Дрейка, продать какому-нибудь коллекционеру.
- В любом случае, – подхватил Шейли-Хоупс, – недавно бутылка разбилась или ее кто-то открыл...
- Дух изнывает от голода и жажды, – напомнил сикх. – Если бы кто-то открыл бутылку, то скорее всего, мы бы уже прочли в газетах о зверском нераскрытом убийстве. И в деле обязательно упоминалась бы еда либо питье. Надо проверить криминальную хронику за последние годы.

– Я могу это сделать, – бодро заявил коммодор. – В библиотеке моего замка имеется полная подшивка лондонского «Таймс», и конечно, отчеты Адмиралтейства обо всех происшествиях, связанных с морем и моряками. Что-то еще?!

– Вы что же, сэр, тоже намерены участвовать в розыске? – удивленно вскинул брови Стивен.

– Всенепременно! – в воздухе появилась рука и тут же начала загибать пальцы. – Во-первых, искать призрака с помощью другого призрака значительно удобней. Во-вторых – вы, друзья мои, как ни крути, являетесь сухопутными крысами, а де Стикс однажды пересек большую часть Атлантики на судне размером с корыто местной прачки. В-третьих, кто-то же должен обеспечивать вам связь с адмиралом Дрейком? В-четвертых, всякий скажет, что мы, Улфхерсты, всегда сражались честно и доблестно, а я готов послужить Англии даже после смерти. В-пятых – должен же я чем-то заниматься после того, как вы уговорили меня не веселиться в собственном замке?! Есть еще в-шестых и в-седьмых, но у меня здесь кончились пальцы. Так что к черту подсчеты, каков план действий?

– Хорошо было бы переговорить с этим гусаром, Ленардом Спенсером, – наморщил лоб Шейли-Хоупс. – Но где мы его найдем? Да и, право слово, не поедешь же к нему в замок Спенсеров: «Приятель, адмирал Дрейк беспокоится о тебе. Не встречался ли ты в последнее время с призраками? Случайно не знаешь, где хранится сундук со штормами, потерянный твоим дальним предком лет, этак, триста тому назад?» Да, скорее всего, после таких вопросов милорд упечет нас в лечебницу с мягкими стенами! Признаться, я не в восторге от модных в этом заведении смиренных рубашек.

– Позволю себе заметить, саиб, джентльмены из 4-го гусарского полка частенько посещают офицерский клуб «Британские львы» на Баркстон-роуд. Как я недавно прочитал в «Таймс», скоро их отправляют в Индию, так что, вероятно, многие из них спешат весело провести последние мирные денечки.

– Что ж, – Стивен Шейли-Хоупс смерил приятеля долгим взглядом, – давай сходим в клуб. Даже если Спенсера там сегодня нет, расспросим его товарищей, может, и найдется какая-то зацепка. Приготовь мой мундир. И свой тоже.

* * *

Привратник клуба «Британские львы», надменный и невозмутимый, как надгробное изваяние члена палаты лордов, почтительно взглянул на лейтенантский мундир Девонширских стрелков, но выставил перед Радживом открытую пятерню размером с хорошую сковороду:

– Нижним чинам вход в клуб запрещен!

– Вы плохо знаете правила клуба. – Стивен нахмурился и смерил отставного служаку недовольным взглядом. – В уставе сказано, что нижним чинам здесь воспрещается развлекаться, пользоваться буфетом и делать ставки на спортивных состязаниях. Сержант Раджив Сингх получил приказ рассказать офицерам, вскоре отбывающим в Индию о специфике туземных индийских войск и боевой обстановке в Пенджабе. А это совсем не отдых. Это его служба. Полагаю, гусары 4-го полка Ее Величества Королевы уже собрались?

Привратник почтительно выслушал кавалера ордена Виктории, после чего посторонился и взял под козырек.

– Так точно, сэр. Извините, сэр. Должно быть, господа офицеры просто запомнили поставить меня в известность.

Клуб «Британские львы» располагался в трехэтажном, эпохи регентства здании с парой массивных колонн перед входом и балконом с изящной чугунной решеткой на втором этаже. В начале века группа офицеров, сражавшихся с Наполеоном, учредила этот клуб «для своих»,

однако сейчас о тех временах напоминали лишь арматуры из трофейных кирас, палашей, сабель и ружей эпохи Ватерлоо.

Метрдотель, увидев Раджива, тоже напрягся, но тот благоразумно отошел в сторону, оставив командира разбираться с прислугой, и погрузился в чтение объявлений, развешанных на афишной тумбе. Спустя несколько минут Стивен вернулся и кивнул другу головой.

– Ленард здесь. Сидит в библиотеке. Метрдотель утверждает, что вчера на скачках он проигрался в пух и прах и сейчас пишет статью, чтобы заработать денег на ужин.

– О чем статья он, конечно, не знает?

– Он и так сказал слишком много.

Сержант задумчиво посмотрел на друга.

– А если мы поможем милорду выбраться из затруднительного положения, он станет более разговорчивым?

– Хорошая мысль. Я тоже подумал об этом, но вряд ли он возьмет деньги. Тем более у незнакомых людей.

– Кто бы сомневался. А если мы поможем ему выиграть деньги?

– Что ты имеешь в виду?

– Сегодня в клубе должен состояться бой. Некий капитан Малколм Хаммерсмит из Конной гвардии вызывает на бой любого, кто желает сразиться с ним в десятираундовом бою по правилам маркиза Куинсберри. На кону 50 соверенов. Вступительный взнос 10 монет. Я как знал, на всякий случай прихватил с собой деньги.

– Изрядная сумма! Надеюсь, адмирал компенсирует нам ее, – пробурчал Стивен. – И все прочие связанные с делом расходы.

– Скорее всего. Не беспокойся. Я веду счет. Однако, надеюсь, ты все же разделаешься с этим Хаммерсмитом и за твоё лечение платить не придется.

– Хорошо. Пойду заявлюсь, – досадливо поморщился сыщик. – Попробуй разузнать побольше о том, что это за бравый капитан, за победу над которым сулят полсотни золотых.

– Отлично. Пока ясно одно: его тут хорошо знают и, невзирая на внушительный приз, не рвутся в бой. А о тебе не известно вообще ничего. Вряд ли кто-то из сегодняшних посетителей бывал в Индии, во всяком случае в те же годы, что и мы. Так что ставить будучи против тебя.

* * *

Среди высоких книжных шкафов клубной библиотеки стояло несколько удобных журнальных столиков с мягкими кожаными креслами для любителей послеобеденного чтения и семь массивных столов для тех, кто пришел в эти стены с благородной целью приобщиться к военным знаниям. Библиотека клуба славилась на весь Лондон своим богатейшим собранием книг по военной истории и искусству войны.

В зале было почти безлюдно. Кроме осанистого библиотекаря, смотревшего на бесконечные ряды книг, словно полководец на готовые к атаке батальоны, и стройного гусара в синей, расшитой золотыми шнурами венгерке с красным воротом и обшлагами рукавов, в читальном зале сидела только пара офицеров-артиллеристов, которые тихо обсуждали за журнальным столиком творчество Шарлотты Бронте.

Раджив моментально оценил «боевую» обстановку и незамедлительно ринулся в атаку.

– Прошу извинить, милорд, – сказал он, подойдя к гусару, сидевшему за одним из столов, и почтительно склонил голову, – имею ли я удовольствие видеть перед собой лейтенанта Спенсера?

– Представления не имею, много ли в этом удовольствия, – ответил гусар, поворачиваясь к незнакомцу, – но я и в самом деле Ленард Спенсер. Кто вы и чему вы обязаны?

– Раджив Сингх. Младший сын Дулип Сингха.

- Мне не доводилось знать вашего батюшку.
- Нисколько не удивлен. Но благодаря совету вашего отца, он был прощен, и, более того, Ее Величество королева назначила ему небольшой пожизненный пенсион.
- Что он натворил?
- Когда-то он был махараджей Пенджаби. Именно отец когда-то подарил Британии алмаз Кохинон, ныне красующийся в короне Ее Величества. У отца не сложились отношения с Ост-Индской компанией. Но это все дела давно минувших дней. А я, если позволите, милорд, хотел бы поговорить с вами о делах насущных.
- О каких же?
- Я бы хотел отблагодарить вас, как сына человека, которому многим обязан.
- Пустое. Не стоит благодарности.
- Иногда молодые офицеры сталкиваются с финансовыми затруднениями...
Благодушное лицо Спенсера вдруг стало суровым.
- Это касается только меня!
- И вашего жеребца, который не соизволил прийти к финишу первым, – как ни в чем не бывало продолжил Раджив. – Нояо другом. Сегодня в клубе состоится бой...
- Да, Хаммерсмиту опять нужны деньги. Время от времени он повторяет этот трюк, – почти теряя интерес к разговору, кивнул гусар.
- Но сегодня не его день. Духи открыли мне, что его ждет фиаско.
- Вы общаетесь с духами? – в глазах юноши промелькнула ирония.
- Мой народ верит, что после смерти душа человека никуда не исчезает. Надо только уметь вызывать тех, кто ушел за грань.
- Интересно. Очень интересно. – сказал молодой офицер, изучая собеседника пытливым взглядом.
- Я хочу поставить на соперника Хаммерсмита, но по уставу клуба не могу этого сделать. Поэтому, если согласитесь, я дам вам деньги на мою и вашу ставку. После окончания боя мы поделим выигрыш пополам. Как видите, никакого подвоха. Вы ничем не рискуете. Даже если вдруг мы проиграем, во что я не верю, вы не потеряете ни пенни.
- Хаммерсмит отправил в нокаут шестнадцать человек. Еще семеро после его ударов точно заблудились на ринге и долго блуждали по нему в поисках утраченного времени.
- Значит, на него будут хорошие ставки. Меня это вполне устраивает. Так что, вы согласны?
- Что ж, по рукам!
- Хорошо. И если духи ничего не перепутали, то после боя мы обсудим с вами одну интересную тему.

* * *

Офицеры, собравшиеся вокруг ринга, замерли в ожидании Малкольма Хаммерсмита, а когда тот появился в дверях, толпа взорвалась аплодисментами и криками. Капитан Королевской конной гвардии производил внушительное впечатление. Даже среди рослых кирасиров своего полка он казался настоящим великаном. Было в нем шесть футов и пять дюймов росту, и все его тело дышало такой силой, что, казалось, он мог не только скакать на коне, но и, при необходимости, взвалить его на плечи. Поднырнув под канаты, он выбрался на ринг и тут же поднял мускулистые руки, приветствуя собравшихся. Его противник, хотя и не производил впечатления мальчика для битья, рядом с Малкольмом выглядел не слишком внушительно. Ставки на бой остановились на отметке 15 к 1, что немало порадовало Раджива.

Он помогал Шейли-Хоупсу зашнуровывать перчатки и тихо шептал ему на ухо:

– Главное, не лезь в размен ударами. Он из школы Белчера. А значит, бьет, как из пушки, но при это плохо двигается. Он постарается сразу загнать тебя в угол и там начнет добивать. Используй свои козыри и помни, чему я тебя учил.

Стивен ухмыльнулся и, бросив недобрый взгляд на противника, двинулся в центр ринга.

Как и предполагал Раджив, едва поприветствовав соперника, Хаммерсмит ринулся в атаку, чтобы сокрушить невежу, имевшего наглость вылезти на ринг. Ожидавший этого Шейли-Хоупс мягко ушел в сторону и нанес жесткий боковой удар по бицепсу конногвардейца. Тот как ни в чем ни бывало развернулся и снова пошел на пытающегося улизнуть противника, однако тут же пропустил еще один удар, но по другому бицепсу.

Первые два раунда зрителям могли показаться забавными – громадный Хаммерсмит бегал по рингу и пытался «прикончить» своего мелкого противника, а тот всякий раз исчезал и появлялся сбоку от него, но эта однообразная погоня уже стала нагонять тоску. Публика ждала боя, поединка, расправы, а не странных танцев.

Третий раунд начался с очередной лобовой, но совершенно бесплодной атаки. Хаммерсмит уже заметно подрастерял уверенность в своих силах, начал все больше злиться и терять необходимую для боя ясность ума. Руки его поднимались все тяжелее и двигались все медленней. Он по прежнему пытался бить, теснить и загонять верткого девонширского стрелка в угол, но куда уж там...

В конце раунда он снова не заметил, как Шейли-Хоупс вдруг оказался совсем рядом сбоку и хорошо поставленным хуком двинул ему точно в челюсть. Хаммерсмит замер, точно вдруг что-то вспомнил. Его глаза остекленели, руки повисли, а в следующий миг левый кулак сыщика, словно таран, прилетел откуда-то снизу точно в подбородок конногвардейца и свалил его с ног.

Ошарашенные зрители на мгновение замерли, а затем взвыли от восторга. Потрясение смешалось с горечью проигрыша – такого исхода поединка не ожидал никто.

Ленард Спенсер получил в окошке свой выигрыш, разделил его пополам и протянул подошедшему Радживу 127 фунтов и пять шиллингов.

– Глазам не верю, – покачал головой Спенсер. – Пятнадцать-двадцать фунтов тут порой удавалось выиграть, но чтобы столько... Иной фермер за год таких денег не зарабатывает! – сказал гусар, запуская пятерню в свои рыже-коричневые волосы, будто собираясь с мыслями перед серьезным разговором. – А скажи, Раджив, что за тайные силы тебе поведали о предстоящей победе? Я заметил, ты знаком с этим Шейли-Хоупсом.

– Конечно знаком. В прошлом он был моим командиром. Там, в Индии. Сегодня духи пообещали ему победу, и поэтому мы пришли в клуб. Не могли же в поединке победить оба бойца.

– Разумно, – кивнул Спенсер и пристально посмотрел на собеседника, раздумывая, можно ли ему доверять, а решив, что можно, продолжил разговор. – Что ж, очень удачно, что мы встретились. У меня к тебе будет дело... и оно касается духов. Вернее, призраков. Не знаю, есть ли между ними разница.

Раджив, лейтенант Спенсер и Шейли-Хоупс вызвали кэб и отправились отмечать победу в ресторан «Симпсон» на Стрэнде. Фонарь над входной аркой освещал заставленные шахматными фигурами красно-белые клетки по обе стороны арки – напоминание о том, что еще в начале века здесь находился шахматный клуб. Как всегда по вечерам, в ресторане почти не было свободных мест. Гости соседнего отеля «Савой» предпочитали ужинать здесь, анев своей гостинице.

Завидев сержантскую форму и синий тюрбан Раджива, метрдотель открыл было рот, чтобы дать новым посетителям от ворот поворот, но узнав Ленарда Спенсера, тут же сменил выражение лица.

– Рады вас приветствовать, ваша милость – сказал он и жестом пригласил их следовать за собой. – Весьма рекомендую ростбиф. Наисвежайший, из 28-дневного теленка!

– Хорошо, подавайте, – кивнул Ленард. – И к нему «Санджовезе».

– Есть 78-го года, 5-летней выдержки.

– Подойдет.

Когда троица устроилась за столиком в углу обеденного зала, Ленард обвел новых знакомых испытующим взглядом и с чувством проговорил:

– Джентльмены, прошу дать мне слово, что все услышанное вами здесь останется между нами.

– Слово офицера, – ответил Шейли-Хоупс, расправляя плечи.

– Обещаю, что от меня никто ничего не узнает, – склонил голову Раджив.

– Итак, господа, я рад, что судьба нас свела именно в это время. Никогда не думал, что когда-нибудь буду такое рассказывать, однако вынужден признаться: с недавних пор каждую ночь я вижу призрак.

– Это призрак вашего отца? – тихо спросил Раджив.

– Нет, точно, нет, – мотнул головой Спенсер. – Хотя появляться он стал вскоре после его смерти. – Гусар задумался. – Да нет, пустое. Мой отец и при жизни-то не любил карнавалов. Сомнительно, чтоб после смерти он решил поучаствовать в одном из них. Каждую ночь я вижу тощее привидение в камзоле 16 века. Сначала я думал, что он мне снится. Я засыпал, как водится, в собственной постели, а потом, глубоко за полночь, как будто просыпался и видел склонившийся надо мной призрак. Но пока мне казалось, что я сплю, я бормотал во сне молитву и переворачивался на другой бок. А на прошлой неделе – помните, были ранние заморозки?

– Да, да, помню, – кивнул Стив.

– На прошлой неделе слуга так растопил камин, что в комнате стало нечем дышать. Я открыл форточку. А дальше все повторилось. Но в тот момент, когда я шептал слова молитвы, порыв ветра захлопнул форточку и я понял, что это не сон. Призрак висел надо мной, покачиваясь, словно пьяный. Причем, от него так разило виски, что я вначале подумал, что это чья-то дурацкая шутка. Я разозлился и швырнул в наглеца бронзовую пепельницу. Но в призрак невозможно попасть пепельницей. Он расхохотался, знаете, такое впечатление, будто смеялись портреты, висевшие на стенах, и заговорил. Вернее, заговорил не он, а портреты, причем на разные голоса...

– Так может, стоило убрать их из спальни?

– Наутро я так и сделал. Но, потом со мной начали разговаривать рыцарские доспехи или висящая на стене оленья голова. Ощущения так себе!

– А если и их убрать?

– Боюсь, тогда со мной будет беседовать комод или настенные часы!

– Должно быть, ваш отец перед смертью тоже столкнулся с чем-то подобным, – тихо проговорил Сингх.

– Хотите сказать, он тоже видел это привидение?

– Почти уверен. – ответил Раджив, задумчиво прикрыв глаза. – Вы не пробовали ночевать в другом месте?

– Конечно пробовал. Но он сначала пришел за мной в полковую казарму, а потом устроил такой переполох в борделе, где я надеялся от него спрятаться, что там пришлось сменить всех девиц.

– Третьего дня «Таймс» писал о задержании констеблем Джонсом и сержантом Грейди на Парк-Лейн-стрит шестерых барышень в непристойном дезабилье. Это были они?

– Проклятье, я говорю о призраке, а не о девицах, выпрыгнувших нагишом в окно! Так вот, призрак твердит одно и то же: требует, чтобы я отыскал и открыл его сундук. А если я не

сделаю этого, все жизненные соки мои иссохнут и не пройдет месяца, как я умру. Я специально напросился с эскадром в Индию, чтобы скрыться там от чертова призрака.

– Отправиться в действующую армию – довольно необычный способ избежать смерти.

– Лучше так. В бою есть шанс выжить и всадить пулю в того, кто целится в тебя.

– Да, с призраком этот способ не работает, – согласился лейтенант Шейли-Хоупс. – Когда ваш полк отбывает в Индию?

– Через неделю.

– Что ж, – сказал Стивен, взглянув на своего молчаливого напарника. – Полагаю, мы с Радживом сможем вам помочь, но только если вы будете нам активно помогать.

– О чем речь! Конечно! А вот и тележка с нашим ростбифом! – объявил Спенсер. – Отведайте, он здесь совершенно бесподобен!

Коммодор Улфхерст появился, как обычно, без предупреждения. Стивен Шейли-Хоупс лишь поразился, что они с Радживом сидят в крытом кэбе. Сначала на сиденье напротив появилась нога в сапоге, затем на колено легла рука со шпагой, и, только после этого в воздухе из ничего сгустилось лицо с бакенбардами.

– Я вас спрашиваю, какого черта вы уехали из «Симпсона»?! – возмутился коммодор.

– Мы обо всем договорились, лейтенант отправился в часть, к чему было задерживаться?

– У вас что, по сигналу боцманской дудки наступает отбой?! – продолжал негодовать призрак. – На корабле я до самой смерти мечтал о том, как, вернувшись домой, отправлюсь в этот ресторан и, наконец, отведаю не переперченную индийскую жратву, не изыски нашего кока, а кусок нормального сочного ростбифа! А вы, вы взяли и все испортили! Поговорили и сразу ушли! Разве в ресторан ходят за разговорами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.